

Ю.А.Нисневич

ПОЛИТИКА ОТКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ

МОСКВА 2004

РОССИЙСКИЙ ТРАНЗИТ

«...несмотря на справедливую критику либерализма, его внутренняя правда неуязвима, ибо это правда не теоретическая, не научная, не рассудочная; она совсем другой природы и ей принадлежит решающее слово: это правда судьбы»

Хосе Ортега-и-Гассет

В политической науке термин «транзит» обозначает синоним процесса «перехода» развивающихся государств к современному уровню развития.

Современная Россия, в которой с конца XX века начался процесс глубоких политических и социально-экономических преобразований как результат коллапса и последующего краха тоталитарного коммунистического режима, который М.Кастельс достаточно нетривиально оценивает как наиболее концентрированное проявление индустриального этатизма¹, относится в сравнении с индустриально развитыми странами Запада и Востока к группе развивающихся, переходных государств. При этом все политические режимы, сменявшие друг друга на протяжении последних десятилетий российской истории, включая перестройку М.Горбачева, номинклатурно-демократическую революцию Б.Ельцина и постреволюционный режим В.Путина декларировали в качестве своей основной стратегической цели вывод страны на современный уровень развития.

А что такое «современный уровень развития» и правильно ли вообще оценивать процесс постиндустриального развития цивилизации в рамках достаточно статичной уровневой модели?

Постоянно нарастающая со второй половины XX века динамизация процессов трансформации всего спектра отношений в социуме позволяет

¹ См.: Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.

говорить уже не столь о новом, современном уровне развития цивилизации, сколь о формировании нового пути ее развития, а еще точнее – нового динамично трансформирующегося коридора траекторий постиндустриального развития. В данном случае уместно говорить именно о пространственном коридоре постиндустриального развития, так как лежащие в нем собственные траектории развития отдельных государств, совпадающие в основополагающих трендах такого цивилизационного развития и образующие в этом смысле единый поток, не являются абсолютно идентичными в силу различий специфических для каждого государства связей и институционального строения социальных полей, нормативистики, политико-культурных стереотипов, базовых технологий конкуренции и власти, способов политического обеспечения интеграции социума.

Этот современный путь развития человеческой цивилизации С.Юшенков достаточно обосновано предлагает определять как постзападный, как «путь (на который человечество фактически уже вступило), представляющий собой сплав восточных и западных ценностей в поисках ответа на вызовы глобального характера»².

На наш взгляд, начавшийся переход на новый постзападный путь цивилизационного развития предопределили феномены, проявившиеся во второй половине XX века как результат индустриального развития.

В политической идеологии доминирующие позиции занял либерализм, который как система политических целей воплотился в реальной жизни индустриально развитых, прежде всего западных стран. При этом он все более стал приобретать характер не столько четкой политической программы, сколько мироощущения, мировоззрения, смысловых ориентаций более общего характера, в котором на первый план выходят его обобщенные идеалы и культурные принципы – права и свободы личности, правовое равенство и высокая политическая ответственность граждан, свобода частной

² См.: Юшенков С.Н. Постзападная цивилизация – путь для России и всего человечества //Демократический Выбор. – 2001. - №31(263).

собственности, договорная природа государства, конституционализм, религиозная веротерпимость, плюрализм и конкуренция. Эти основополагающие ценности либерализма обусловили коренное изменение в массовых политических воззрениях во многих странах мира, легли в основу многих национальных идеологий, ориентиров неоконсерватизма и христианско-демократической идеологии, существенно повлияли на философские установки социал-демократии.³ Исторические изменения, вызванные влиянием либерально-демократических ценностей, позволили Ф.Фукуяме предположить, что «то, чему мы, вероятно, свидетели, - не просто конец холодной войны или периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления»⁴. В этом смысле «конец истории» может рассматриваться как некая идеальная цель постзападного развития цивилизации, суть которой в универсализации государств, воплощающих в регулировании жизнедеятельности социума принципы либеральной идеологии и потому способных решить все фундаментальные проблемы человечества.

Закрепление демократии как основополагающей формы организации политической жизни и существенное повышение в результате индустриального развития уровня материального благосостояния населения в развитых странах породило феномен, который Х.Ортега-и-Гассет назвал «восстание масс», особо акцентируя внимание на тех угрозах, которые этот феномен таит для породившей его демократии и поступательного развития цивилизации, но и отдавая ему должное как исторически обусловленному предвестнику кардинальных изменений в развитии цивилизации – «восстание масс может предвещать переход к новой, еще неведомой организации человечества; может и привести к катастрофе»⁵.

³ См.: Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М., 2001.

⁴ Фукуяма Ф. Конец истории? //Вопросы философии. – 1990. - №3. – с.134.

⁵ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс //Вопросы философии. – 1989. - №3 - с.146.

Транзитологический смысл этого явления, порожденного либеральной демократией и индустриализацией, состоит в том, что огромные социальные массы получили доступ практически ко всем достижениям цивилизации, политические права и свободы, принципиально новые, более комфортные условия жизни и широкие возможности индивидуального выбора. На этой основе началась коренная трансформация связей в социуме, разрушение его классовой структуры, сословных перегородок, изменение положения групп и индивидов по отношению к власти и доминирующим фактором политического и социально-экономического развития стал средний слой общества со всеми его достоинствами и недостатками. В морально-нравственном аспекте цивилизационного развития ключевым является то, что суверенитет любого индивида, человека как такового перестал быть абстрактным идеалом, отвлеченной правовой идеей, а стал осознанным жизненным принципом для широких социальных слоев.

При этом, как постоянно подчеркивает в своей работе Х.Ортега-и-Гассет, произошел подъем исторического уровня, огромный рост жизненных возможностей, жизненной потенции человеческой цивилизации. Огромная масса социальной энергии вырвалась на поверхность, но, не являясь еще достаточно упорядоченной в целях поступательного цивилизационного развития, она несет большой как созидательный, так и разрушительный потенциал, делая жизнь более живой, напряженной, насыщенной, но и более проблематичной.

Одна из таких проблем в поле политики, существенно значимая как для государств уже вступивших на путь постзападного развития, так и для переходных, к которым относится Россия, состоит в том, что при переходе власти в обществе к широким социальным массам начали проявляться не столько дефекты демократии как формы организации политической жизни, сколько дефекты, связанные с абсолютизацией ее избирательного принципа и партийного механизма, о чем М.Острогорский писал еще в начале прошлого

века⁶. По его мнению, которое подтверждается мировой практикой политических трансформаций XX века, включая и российский транзит, действенность избирательного принципа в политическом управлении существенно ограничена и ошибочным является утверждение о том, что чем шире применяется избирательный способ в государственной организации, тем больше свободы. Слишком разветвленная избирательная система является лишь чисто формальным атрибутом демократии и фактически приводит к тому, что народ вместо усиления своей власти ее распыляет и в конечном счете теряет. Партийный механизм, основанный на ограниченном числе традиционных партий с партийными программами, являющимися «верой, облеченной, подобно церковной вере, санкцией правоверности и иноверия», и стандартными построениями организационных структур, детально исследованными М.Дюверже⁷, особенно при двухпартийной системе, перестает эффективно выполнять функцию политического посредника между обществом и властью. Партийные организации, как отмечает М.Острогорский, бюрократизируются и «соединяются с государством с сомнительной пользой для общественного блага и в ущерб элементарным принципам, регулирующим взаимоотношения между государством и гражданами». Включение в партийный механизм избирательного принципа не ослабляет указанные недостатки, а лишь усиливает их, маскируя под демократическими принципами реакционные тенденции.

Абсолютизация избирательного принципа и огосударствление партийного механизма предоставляют правящим элитам широкие возможности для манипулирования волеизъявлением граждан и общественным мнением, создают благоприятную почву для использования ими административного принуждения под прикрытием демократии.

⁶ См.: Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М., 1997.

⁷ См.: Дюверже М. Политические партии. М., 2000.

Другая существенная проблема, обусловленная «восстанием масс» - падение культурного и нравственного уровня населения, следствием чего является эрозия либеральных установлений и принципов. Распространение массовой культуры невысокого морально-нравственного и эстетического уровня и вульгаризация политического сознания являются негативными последствиями в целом положительной цивилизационной тенденции выравнивание прав, материального благосостояния, культуры, классов, полов.

Возникновение реального сплава западных и восточных ценностей не только в теоретических разработках ученых, в идеологических воззрениях политических элит, но и в повседневной жизни простых людей, во многом, связано с резким повышением «миграционной мобильности человечества», предоставленной индустриальными транспортными технологиями возможностью быстро перемещать практически в любую точку планеты сырьевые, энергетические, финансовые и иные материальные ресурсы, но, прежде всего, конкретного человека. Существенная часть населения многих как индустриально развитых, так и переходных стран получила возможность не через опосредованные другими людьми знания и информацию, а непосредственно через свои органы чувств познавать и рефлексивно оценивать иной, чем их собственный образ жизни, иные системы морально-нравственных ценностей, иное мировоззрение и вероисповедание, культуру, исторические обычаи и традиции, различные подходы к организации политической и хозяйственной деятельности, государства и общества.

Результатом повышения миграционной мобильности и либерализации миграционной политики стало появление практически во всех индустриально развитых странах постоянно расширяющихся диаспор представителей других континентов и стран, этнических, национально-культурных и религиозных групп, постепенное, хотя и достаточно трудное вхождение отдельных представителей таких диаспор в политические и иные элиты их новых стран обитания. Процесс взаимного проникновения Запада и Востока,

Севера и Юга, естественно не безмятежный, а сопряженный с возникновением новых противоречий и конфликтных зон в социуме, получил таким образом возможность своей практической реализации на самом массовом и устойчивом уровне - уровне межличностных общений и отношений.

Начинающееся выравнивание стран и континентов, усиление их взаимопроникновения создает условия для того, чтобы каждый индивидуум, каждый средний человек получил практическую возможность принимать участие в жизни всей планеты.

По оценкам многих российских и зарубежных ученых доминирующую роль в наметившихся тенденциях постзападного развития цивилизации сыграл феномен происходящей в конце XX – начале XXI века информационной революции, рассматриваемой А.Тоффлером в его концепции «трех волн» в качестве последней в ряду трех великих технологических революций (аграрная, индустриальная, информационная)⁸.

Результатом этой революции становится вступление человечества в эпоху информационной цивилизации, постепенный переход к новому типу социальной организации человеческой жизнедеятельности – информационному обществу.⁹ Как отмечает Р.Абдеев «информация превращается в глобальный, в принципе неистощимый ресурс человечества, вступившего в новую эпоху развития цивилизации – эпоху интенсивного освоения этого ресурса и «неслыханных возможностей» феномена управления»¹⁰.

Формирующееся постзападное общество имеет информационную природу, поскольку оно в целом строится на всеобщем кодифицированном знании и синергетической информации, циркулирующей в открытых

⁸ См.: Тоффлер А. Третья волна /Пер. с англ. – М, 1998.

⁹ См.: Martin W.J. The information Society. L., 1988; Castells M. Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I-III. Oxford, 1996-1998; Моисеев Н.Н. Информационное общество как этап новейшей истории //Межотраслевая информационная служба. – 1995. - №4 и другие.

¹⁰ Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. М., 1994. – с.7.

системах. Его можно определить как общество, в котором экономическое развитие, социальные изменения, качество и образ жизни в решающей мере зависят от использования научного знания, способа эксплуатации информации и характера информационно-коммуникативных процессов. При этом качественные изменения происходят и в системе представительства гражданских интересов, формах и стиле государственного управления, в соотношении ветвей власти, означающие постепенный, но неуклонный выход на первый план именно информационной власти, обретающей приоритетное значение по сравнению с административными, политическими, экономическими и другими разновидностями регулирования социальных процессов.

Активное и эффективное использование практически неограниченных информационных ресурсов и внедрение постоянно совершенствующихся информационных и коммуникационных технологий во все сферы жизнедеятельности социума позволяет получить существенную экономию других видов ресурсов (сырья, энергии, полезных ископаемых, материалов и оборудования, людских ресурсов, социального времени) не только в развитых индустриальных, но и переходных странах, может существенно содействовать решению глобальных проблем человечества и, прежде всего, связанных с необходимостью преодоления кризисных явлений, поиска ответов на глобальные вызовы.

В ближайшее время информационное общество станет безусловной реальностью для высокоразвитых индустриальных стран, а для других, прежде всего переходных, содержащих и иные траектории социального и политического движения – ориентиром развития.

В силу исторически обусловленной неоднородности пространственных и темпоральных свойств поля политики особенно в планетарном масштабе указанные выше феномены проявлялись и проявляются на разных континентах и в разных странах естественно не одновременно и с

различными национально-страновыми особенностями, раньше и более интенсивно на Западе, чем на Востоке, на Севере, чем на Юге.

Неразрывно связанную в единое целое систему граничных условий пространственного коридора постзападного развития, ограничивающую его гибкую оболочку определяют такие системообразующие цивилизационные факторы, как либеральные морально-нравственные принципы и идеалы, основанные на приоритете прав и свобод личности; экономическая деятельность, основанная на праве частной собственности, либерализации и глобализации (интернационализации) рыночных отношений, инновационно-конкурентном содружестве акторов социально и экологически ориентированного рынка; политическая система демократического типа, способствующая свободному развитию гражданского общества и формированию государственной власти, ориентированной на оказание услуг населению; открытое информационное пространство, в котором посредством сетевой информационно-коммуникационной инфраструктуры обеспечивается свобода массового обмена информацией и массовых коммуникаций, включая трансграничные.

Если правящий в государстве политический режим не обеспечивает практическую, а не декларируемую реализацию хотя бы одного из перечисленных системообразующих факторов, то траектория развития такого государства как совокупность процессов трансформаций общественных отношений, не вписывается в коридор постзападного цивилизационного развития. И если в данном случае уместна аналогия с природными явлениями, то развитие такого государства можно уподобить речке, протекающей по засушливой местности под постоянной угрозой пересыхания, в то время как рядом несется полноводное океаническое течение магистрального развития человеческой цивилизации.

На наш взгляд задачу транзита переходных государств, желающих занять достойное место в мировом сообществе, следует рассматривать как задачу формирования такой траектории трансформаций связей в социуме,

которая обеспечивает оптимальное с учетом национально-страновой специфики вхождение в коридор постзападного цивилизационного развития. Под оптимальностью в данном случае следует понимать то, что должно обеспечиваться не только вхождение в этот коридор, но одновременно и попадание в динамично изменяющуюся область конкурентно-инновационного сотрудничества государств, лидирующих на пути постзападного развития. Последнее условие оптимальности обусловлено тем, что скорости постзападного развития настолько высоки, что отставание от лидирующей группы, даже уже находясь внутри коридора, преодолеть чрезвычайно сложно.

В современных условиях траектории транзита переходных государств, в том числе и российского транзита, формируются под воздействием совокупного влияния таких наиболее значимых мега-тенденций как традиционализм, модернизм и постмодернизм. В современной политической науке «постмодерн», который в рассматриваемом контексте соответствует направлению постзападного развития цивилизации, определяется как историческая стадия развития социума, характеризующая доминирование в общественных отношениях укладов и структур, базирующихся на использовании передовых информационных технологий.

Если использовать существенно упрощенную геометрическую интерпретацию задачи формирования траектории транзита переходного государства, то формирование такой траектории происходит в пространстве, направляющие, условно взаимно перпендикулярные векторы которого соответствуют трем указанным мега-тенденциям. При этом осью пространственного коридора постзападного цивилизационного развития является соответствующий направляющий вектор, условно ортогональный плоскости «традиционализм – модернизм».

Выход индустриально развитых государств на путь постзападного развития в исторически обусловленной последовательности можно рассматривать как выполнение двух «плоских» поворотов: сначала в

плоскости «традиционализм – модернизм» при отсутствии мега-тенденции постмодерна, а затем в плоскости «модернизм – постмодернизм». Задача транзита переходных государств представляется более комплексной, так как в современных условиях одновременного действия всех трех мега-тенденций его оптимальная в указанном выше понимании траектория принципиально должна формироваться как пространственная, что существенно усложняет способы политического управления транзитом и конфигурацию власти, способной его реализовать в таком виде.

Здесь, на наш взгляд, уместно остановиться на проблеме догоняющего развития или догоняющей цивилизации, которую в контексте российской истории Е.Гайдар определил как возможный ответ на европейский вызов, суть которого в попытке «перенимать не структуры, воспроизводящие экономический рост, а только его результаты, идя при этом «своим путем»; опереться на силу Московского государства, хорошо прищипорить покорное общество, выжать из него как можно больше ресурсов, используя государственные структуры для экономического скачка, для преодоления отставания»¹¹. В контексте выхода на постзападный путь развития такая цивилизация не представляется даже догоняющей, так как она и не предполагает обеспечение ни отдельно, ни тем более в совокупности его системообразующих идеологических, экономических, политических и информационных факторов, в результате чего траектория ее развития будет всегда располагаться вне постзападного цивилизационного коридора.

В контексте перехода к постзападной цивилизации к типу догоняющих, на наш взгляд, следует относить развитие, предполагающее в основном повторение пути пройденного индустриально развитыми странами, то есть последовательную реализацию преобразований от традиционализма к модернизму и лишь затем преобразований, обеспечивающих выход на постзападный путь. Такая траектория, очевидно, не будет близка к оптимальной, так как всегда будет иметь место существенное отставание от

¹¹ Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. М., 1995. – с.52

лидирующих на этом пути государств, даже несмотря на возможности резкой динамизации процессов транзита в современных условиях.

Естественно, предлагаемая геометрическая интерпретация является предельно упрощенной и схематичной, но она, на наш взгляд, позволяет достаточно наглядно представить и ощутить масштабность и сложность решения задачи выхода на постзападный путь развития, стоящей перед российским социумом.

Сегодня Россия, как это ни банально, в очередной раз уподобилась герою русской сказки о молодильных яблоках и живой воде, призадумавшемуся на распутье трех дорог: налево – традиционализм, направо – модернизм, прямо – неизведанный путь постзападной цивилизации. (Видимо, в этом часто используемом образе и очень символическом названии сказки скрыт некий потаенный, самобытный смысл российской истории.)

В чем же сегодня заключаются проблемы российского транзита и какой путь выберет Россия?

Вот как оценивает сложившуюся ситуацию с позиций современной политической науки А.Соловьев.¹² В силу явного несовпадения прокламируемых традиционализмом установок с общемировой динамикой социальной эволюции, политические последствия данной тенденции обуславливают явную склонность Российского государства к автаркии, политическому самозакукливанию, выпадению из современности. Преодоление или как минимум купирование такой тенденции предполагает сосредоточение усилий власти и заинтересованных в демократическом развитии общества сил на решение двоякой задачи: частичного и по возможности более мягкого встраивания архаики в процесс общественных преобразований, а также постепенную трансформацию ведущих стереотипов массового сознания и политической культуры. Рассмотрение практики трансформаций российского транзита через призму мега-тенденций

¹² См.: Соловьев А.И. Мега-тенденции российской политики //Власть. – 2000. - №8.

позволяет достаточно уверенно констатировать, что преобразования в отечественной политике не должны и не могут руководствоваться одной лишь логикой модернизации, т.е. целенаправленного преодоления традиционализма и осуществления преобразований в духе неважно какой «стагнирующей», «рецидивирующей» или «продвинутой» модели. Стратегия российской трансформации должна неизменно включать и критерии более перспективного порядка, ориентирующие государство и общество на только еще выстраиваемые, но уже демонстрирующие свою мощь мировые политические порядки. С приведенными оценками трудно не согласится.

В аспекте процессов трансформации системообразующих указанные мега-тенденции идеологических, экономических, политических и информационных факторов практика развития российского транзита после августовских событий 1991 года представляется в следующем виде.

Номенклатурно-демократический политический режим Б.Ельцина стремился двигаться по пути модернизации для скорейшего преодоления традиционализма, который в ожесточенном противостоянии модернизму в дополнение к коммунистической стал приобретать националистическую и имперскую окраску.

Существенно значимым шагом в направлении модернизации стало принятие новой, во многом либерально ориентированной Конституция России, на основе которой был создан каркас политической системы демократического типа в форме президентско-парламентской республики. Начался процесс формирования рыночных механизмов в экономике и либерализации информационного пространства, в основном, в сфере средств массовой информации. Однако при этом решение задач трансформации морально-нравственных принципов и идеалов российского общества, национальной идеологии, формирования гражданского общества и многопартийной системы, способных обеспечить реальное функционирование демократического политического режима, а не просто формальное юридическое построение политической системы

демократического типа, было фактически отодвинуто на второй план и во многом пущено на самотек. Об этих существенно значимых задачах транзита правящая элита, состоящая из гремучей смеси части старой государственной и партийной бюрократии, олигархических группировок и пришедших во власть на революционной волне либерально ориентированных экономистов и государственных управляющих нового поколения, вспоминала только в моменты обострения противостояния с оппозицией, стремящейся вернуть страну на традиционалистский путь развития, и при проведении избирательных кампаний.

Режим Б.Ельцина проводил курс, в первую очередь, ускоренной модернизации экономики с использованием методов властного принуждения и, в основном, административного управления, в меньшей степени заботился о необходимости трансформации других системообразующих цивилизационных факторов, определяющих траекторию российского транзита. При этом у значительной части российского социума, а не только у оппозиции и исторически и идеологически связанной с ней части государственной бюрократии, продолжали доминировать традиционалистские умонастроения, что существенно тормозило модернизацию, искажало не только ее результаты, но часто и целевые установки. В результате существенного отставания модернизации в идеологической и политической сферах от модернизации в сфере экономики в российском транзите стали отчетливо проявляться черты «делегативной демократии» и рыночной экономики государственно-олигархического типа. Начал развиваться кризис «проникновения», свидетельствующий о невозможности правящего режима полностью реализовать свои решения не только в сфере экономики, но и в других сферах общественной жизни. Обострились такие типовые для начального этапа модернизации конфликты, как: кризис легитимности, выражающийся в рассогласовании целей и ценностей правящего режима с представлениями основной части граждан о необходимых формах и средствах политического регулирования; кризис

идентичности, обуславливающий поиск людьми новых духовных ориентиров, идеалов и ценностей для осознания своего места в обществе и связей с государством; кризис распределения культурных и материальных благ, связанный с качественным изменением стандартов и способов потребления, ростом социальных ожиданий граждан, а также кризис их участия в политических процессах.

Политический режим Б.Ельцина расположил траекторию российского транзита в плоскости модернизации, перехода от традиционализма к модернизму. Расплывчатый идеологический фактор трансформации не обеспечивал политическую интеграцию и мобилизацию социума, плохо воспринимался российским обществом, в основной массе ориентированным на ценности традиционализма, морально-нравственные устои и культурные стимулы общества оказались размытыми, что приводило к существенным издержкам и потерям в начавшемся процессе модернизации экономике. Процесс формирования политической системы, основанной при демократии не только на избирательном принципе, но и на механизме многопартийности, застопорился на начальном этапе. Информационная сфера государственной власти оставалась в основном закрытой для общества, а вырвавшийся было на свободу рынок средств массовой информации вследствие того, что экономический механизм его функционирования не был в должной мере законодательно урегулирован, оказался заложником корпоративного размежевания элитных группировок, между которыми периодически вспыхивали информационные войны с использованием подконтрольных им СМИ. Создание открытого гражданского общества было провозглашено, но практически так и не началось.

Мировые тенденции постзападного развития цивилизации вследствие погруженности правящего режима в его внутренние проблемы, связанные, прежде всего, со стремлением удержать власть, не оказывали заметного влияния на российский транзит, который в целом был ориентирован на догоняющее развитие в определенном выше смысле.

Новый политический режим В.Путина еще только нащупывает свою интерпретацию российского транзита, но тем не менее некоторые проектируемые им тенденции уже обозначились.

Используя высокий уровень поддержки в обществе, обусловленный его психологической усталостью от предыдущего режима и ростом социальных ожиданий, а также благоприятные внешнеэкономические условия, прежде всего, высокие мировые цены на энергоносители, режим В.Путина не столько действительно начал практически значимую реализацию, сколько эффективно в плане политической рекламистики обозначил в законодательном поле очередное ускорение модернизации экономики, в которой при этом роль главного актора рыночных отношений отводится государству. Этим он привлек на свою сторону либерально ориентированные в экономической сфере элитные группы, приверженцев как «западного», так и «особого» пути модернизации.

Придавая существенно большее, чем предыдущий режим значение идеологическому фактору и стремясь перехватить инициативу в этой сфере у левой оппозиции, правящий режим начал обозначать свою приверженность некоторым ценностям традиционализма и, прежде всего, этатизму. Можно предположить, что именно этатизм в осовремененном виде начинает постепенно внедряться в массовое сознание в качестве национальной идеологии с целью укрепления базы массовой поддержки режима.

Указанная идеологическая тенденция и предопределила начавшуюся со стороны государства монополизацию информационного рынка, прежде всего, в секторе электронных СМИ, активное вытеснение с этого рынка его контрагентов, стремящихся по тем или иным причинам конкурировать с государством в информационной сфере. При этом исключительно в этой сфере правящий режим начинает активно использовать новые технологии постзападной цивилизации и, в первую очередь, их манипулятивные возможности, перенося акцент своих усилий, как отмечает в уже упомянутой статье А.Соловьев, на сознательное конструирование мотивирующих

массовое поведение образов, формирующих политическую гиперреальность; поощрение строительства не горизонтальных связей гражданского общества, а вертикальных отношений массового общества; нахождение наиболее эффективных информационных технологий обеспечения связи власти с населением взамен поиска наиболее действенных организационных структур демократии. Вместо стремления реализовать политическую версию постзападной цивилизации на российскую политическую сцену переносятся «черные» технологии, усиливающие манипулятивный потенциал власти, возможности узкогруппового использования правящими элитами их информационных преимуществ в корыстных целях, например для реализации проектов в сфере государственного предпринимательства.

В сфере конструирования политической системы режим В.Путина взял курс на законодательную формализацию партийного строительства под жестким государственным контролем с целью создание двух или трехпартийной системы, функционирующей в режиме управляемой демократии, и вытеснения нонконформистских политических сил в маргинальную кулису российской политической сцены. При этом в избирательном процессе наблюдается значительное усиление манипулятивных тенденций, повышение влияния на результат факта наличия у кандидатов административного ресурса и связей с властвующими элитами. Последствия для демократии такой стратегии, диаметрально противоположной современным тенденциям в мировых политических порядках, достаточно очевидны.

В целом, проектируемая режимом В.Путина интерпретация российского транзита сохраняет направленность на догоняющее развитие, но наметившиеся тенденции трансформаций в идеологической, политической и информационной сферах, в которых просматриваются черты нового российского этатизма, ориентированного на национал-либерализм (который к реальному либерализму не имеет никакого отношения), способны вывести его на такую траекторию, которая чревата серьезными политическими

катаклизмами или, не дай Бог, национальной катастрофой. Эти тенденции невольно вызывают ассоциации с политическими процессами, происходившими в первой половине XX века в таких странах, как Италия, Германия и Япония, а во второй – в Чили.

Сегодня в поле российской политике действуют в основном различные политические анклавы, демонстрирующие преобладающее влияние как традиционализма, так и модернизма в его интерпретации в широком спектре от социал-демократической до национал-либеральной. Политические анклавы, ориентированные на постзападную цивилизации, на российской политической сцене пока еще в явном виде не присутствуют, хотя отдельные элементы этой мега-тенденции уже начали проявляться в российском социуме.

Для того, чтобы воспрепятствовать дальнейшему развитию наметившихся негативных тенденций в трансформации социальных и политических отношений и повернуть траекторию российского транзита в направлении оптимального выхода на путь постзападного развития цивилизации, России необходима новая, вторая волна демократии, ориентированной на либеральные ценности, создание влиятельной неконформистской политической силы, способной реально решать такую задачу.

август 2002

НОМЕНКЛАТУРНЫЙ АПОКАЛИПСИС

Что ждет Россию и куда она движется? Для того, чтобы попытаться найти ответ на эти вопросы, которые сегодня тревожат многих, необходимо прежде всего разобраться в генезисе и сущности правящего в стране политического режима и реализующей его политической элиты, осмыслить процессы их формирования и трансформаций.

Большинство политических аналитиков сходится в том, что в начале 90-х годов XX века в России произошла номенклатурно-демократическая революция. Движущими силами этой почти бескровной революции были две разные социальные группы. С одной стороны сравнительно небольшая демократически настроенная часть российского общества, в основном проживающая в двух столицах и крупных научно-промышленных центрах и во многом вскормленная идеями диссидентского движения. А с другой стороны – та часть советской партийно-хозяйственной номенклатуры, которая в условиях, когда руководство КПСС превратилось в объект изучения геронтологии, но продолжало удерживать абсолютную монополию на власть в стране, не видела для себя реальных перспектив быстрого карьерного роста и продвижения в высшие эшелоны власти.

Именно номенклатура как господствующий социальный слой, сформированный за десятилетия правления в СССР советского режима,¹³ требует приоритетного внимания при анализе существующих политических порядков, необходимом для оценки перспектив развития России. Более того современная российская номенклатура, уходящая корнями в номенклатуру советскую, нуждается в детальном изучении и исследовании социологами как специфический социальный феномен.

¹³ Большой энциклопедический словарь. – М.: АСТ, 2003.

Основные онтологические свойства номенклатуры

Формальный механизм формирования номенклатурных кадров в СССР состоял в назначении на руководящие должности по решению органов КПСС, но фактически такие назначения осуществлялись по протекции конкретных партийных функционеров соответствующего уровня партийной иерархии и оформлялись решениями партийных органов. При этом партийные функционеры всех уровней иерархии стремились в первую очередь предоставить руководящие должности, находящиеся в сфере их влияния, кадрам, проверенным на личную преданность. Следует особо подчеркнуть, что процессы формирования и деятельности советской номенклатуры полностью контролировались КПСС, обладавшей строго централизованной иерархической структурой, хотя номенклатурные методы подбора и расстановки кадров непосредственно зародились и получили широкое распространение, прежде всего, в самой партийной среде.

Протекционистский механизм назначения на руководящие должности исходя из критерия личной преданности и определяет основные онтологические свойства номенклатуры, которая и в посткоммунистической России составляет социальную основу правящего режима.

Прежде всего номенклатура, генезис которой заложен в идеологических и организационных основах тоталитарных политических систем, представляет собой принципиально нестабильную, конкурентную среду. Цель номенклатурной конкуренции – достижение все большей личной власти и повышение личного материального благосостояния и социального статуса за счет занятия все более высоких руководящих должностей, прежде всего, в структурах и институтах государственной власти. Государственная власть с присущей ей системой отправления государственно-властных полномочий является той средой, которая органически необходима для существования и жизнедеятельности номенклатуры как социального слоя.

Номенклатурная конкуренция происходит между группировками-кланами, которые формируются на основе персональных родственных,

образовательных и производственных связей, принципов землячества, национальной и социальной близости, но ключевым всегда остается принцип личной преданности данному клану и его лидерам. Однако такая преданность не является абсолютно постоянной, так как стремление и умение вовремя примкнуть с целью карьерного роста к той группировке, которая в текущей ситуации приобретает доминирующее положение, представляет собой основной механизм вертикальной мобильности в номенклатурной среде.

Номенклатурные группировки-кланы в зависимости от конъюнктуры, складывающейся в процессе их конкуренции, постоянно видоизменяются и трансформируются, одни исчезают и появляются новые, они сливаются и разделяются, теряют и приобретают новых членов. Это предопределяет непостоянство и непрерывную динамику изменений системы межгрупповых и межличностных взаимодействий и взаимосвязей, а, следовательно, и групповой структуры номенклатуры.

Характерным свойством номенклатуры является инклюзивность, ее способность и стремление проникать во все наиболее политически, экономически и социально значимые государственные, а также и негосударственные институты и структуры с целью подчинения их своему влиянию. Номенклатуре свойственно стремление к постоянному расширению занимаемого ею пространственного объема во всех сферах жизнедеятельности общества и государства и расширенное самовоспроизводство, особенно в основной питающей ее среде - государственной власти, а, следовательно, и постоянные видоизменения ее пространственных границ. В СССР, особенно в так называемую эпоху застоя, номенклатура как раковая опухоль поразила не только весь партийно-государственный аппарат, армию, милицию, спецслужбы, но и производственный и научный комплекс страны.

Следует сразу уточнить, что понятие «номенклатура» не тождественно понятию «государственная бюрократия», которое является не социальным, а функциональным. Государственная бюрократия – это высшее и часть

среднего чиновничества. Исторически государственная бюрократия сформировалась как управленческий аппарат государства индустриального типа, что послужило основанием для Г.Гегеля и М.Вебера назвать ее носителем рациональных форм организации власти.¹⁴ Номенклатура представляет собой специфическую группу в составе правящей элиты, включая и большую часть государственной бюрократии, доминантной идеологической установкой которой является использование власти для достижения личного социального и материального благополучия.

Революционный номенклатурно-демократический период

Обе движущие силы российской номенклатурно-демократической революции в принципе сходились в том, что система тоталитарного государства и административно-планового управления экономикой очевидно становилась все более и более не эффективной в смысле перспектив развития страна. Робкие и непоследовательные попытки как-то модернизировать эту систему в период горбачевской перестройки не приносили ощутимых результатов. Вследствие резкого снижения мировых цен на нефть и другие энергоносители страна с всевозрастающей скоростью погружалась в пучину экономического и социального кризиса.

При этом в демократическом движении доминировало представление о том, что главной задачей является отмена статьи 6 Конституции СССР о ведущей и направляющей роли КПСС и устранение тем самым ее монополии на власть в стране. О демократических принципах устройства и функционирования государства, о рыночной экономике, о необходимых коренных политических и социально-экономических преобразованиях и связанных с их осуществлением политических, экономических и социальных проблемах подавляющее большинство не только рядовых членов, но лидеров демократического движения имело лишь самые общие представления. При

¹⁴ Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. – М.: Аспект Пресс, 2001. – с.138.

чем, как показал дальнейший ход событий, эти представления во многом диаметрально расходились.

Прогрессистки настроенная часть советской номенклатуры и, прежде всего, средние и только начавшие подъем по карьерной лестнице нижние слои государственной бюрократии были заинтересованы в скорейшем устранении закостенелых высших руководящих слоев и партийных бонз, так как только это и могло предоставить им расширенные возможности для ускорения личной вертикальной мобильности.

Таким образом демократическое движение и прогрессистки настроенная часть советской номенклатуры выступили как партнеры и союзники в решении только одной общей для них задачи изменения действовавшей системы государственного управления. При чем ведущую роль в этом союзе изначально играло демократическое движение.

В результате провала августовского путча 1991 года и последовавшего за ним распада СССР к власти в России пришел конгломерат лидеров демократического движения, называемых «демократами первой волны», и представителей прогрессистки настроенной части советской партийно-хозяйственной номенклатуры, прежде всего, из состава государственной бюрократии, возглавляемый типичным ее представителем Б.Ельциным.

Этот конгломерат, поддерживаемый реформаторски настроенной частью российского общества, вступил в жесткое политическое противостояние с консервативной частью советской номенклатуры, оперяющейся на традиционалистски настроенную часть общества и интересы которой в ее стремлении сохранить господствующее положение в структурах государственной власти выражали Верховный Совет РСФСР и российский осколок КПСС.

Такое политическое противостояние стимулировалось начавшейся в 1992 году приватизацией государственной собственности, доминирующая политическая цель которой состояла в лишении консервативной части советской номенклатуры, выступавшей в качестве ведущей

антиреформаторской силы, ее экономической базы. Такую приватизацию, механизмы реализации которой определялись, прежде всего, политической целесообразностью, сами ее авторами и исполнителями достаточно красноречиво назвали «приватизацией по-русски».¹⁵

В процессе начавшейся приватизации часть номенклатурных кадров, прежде всего, из числа молодых партийных и комсомольских работников, уже почувствовавших вкус к экономической свободе в ходе начавшегося в середине 80-х годов кооперативного движения, успешно конвертировала свои связи и положение в структурах государственной власти на федеральном и региональном уровнях в первоначальный капитал и частную собственность. Именно такой номенклатурный по своей сути механизм первоначального накопления капитала и приобретения собственности являлся основным механизмом приватизации по-русски. Из этих номенклатурных кадров начала формироваться новая российская экономическая элита, которая активно стала теснить в экономической сфере «красных директоров», составлявших экономическую опору и влиятельную группу советской номенклатуры, придерживавшуюся в основной своей массе консервативных, традиционалистских позиций. Подобный механизм капитализации номенклатурных связей и личного статуса в системе отправления государственно-властных полномочий успешно действует и в настоящее время, что дало Г.Каспарову основание справедливо утверждать, что в современной России существуют только «назначенные собственники». К этому можно добавить, что и реально не функционируют рыночные механизмы перераспределения собственности.

Переломными моментами в таком противостоянии, грозившем перерасти в полномасштабный вооруженный конфликт в российском обществе, стали трагические события октября 1993 года и принятие на всенародном референдуме новой Конституции Российской Федерации с

¹⁵ См.: Приватизация по-русски./Коллектив авторов. – М.: Вагриус, 1999.

одновременным проведением выборов в Государственную Думу первого созыва в декабре того же года.

Уже в ходе революционных событий 1991-1993 годов начался процесс формирования новой российской государственной бюрократии, которая достаточно быстро стала приобретать номенклатурные очертания. Представители прогрессистской части советской номенклатуры, пришедшие во власть вместе с представителями демократического движения, воссоздали в президентских и правительственных структурах, сформированных после избрания Б.Ельцина в июне 1991 года Президентом Российской Федерации, органически присущие им номенклатурные методы и механизмы межличностных взаимодействий и кулуарного принятия управленческих решений. Такой регенерации советских номенклатурных методов и механизмов государственного управления в не малой степени способствовали следующие обстоятельства.

Во-первых, под жестким давлением консервативной части советской партийно-хозяйственной номенклатуры Президент Б.Ельцин вынужден был все время маневрировать и, идя на уступки Верховному Совету РСФСР, в качестве компромисса включать в состав высшего руководства страны ее представителей из числа так называемых «крепких хозяйственников». Так уже в конце 1992 года во главе российского правительства произошла замена Е.Гайдара, поддерживаемого демократическим движением, на «крепкого хозяйственника» В.Черномырдина.

Во-вторых, средние и нижние звенья российского государственного аппарата были сразу же практически полностью укомплектованы чиновниками, ранее работавшими в партийно-государственном аппарате СССР и РСФСР. Основу профессионализма таких чиновников составляло, прежде всего, владение методами бюрократического делопроизводства, кулуарного принятия решений, а также приемами аппаратных интриг.

В-третьих, немногочисленные представители демократического движения, первоначально включенные во властные структуры, сделали

ставку только на их персональную поддержку Президентом Б.Ельциным. Они не уделяли необходимого внимания укреплению демократического движения как своей долговременной политической опоры и кадрового резерва для хотя бы постепенной замены номенклатурного чиновничества в структурах государственной власти. Поэтому частично новая по составу, а по сути основополагающих механизмов функционирования старая номенклатурная среда начала достаточно быстро вытеснять эти чужеродные для нее элементы из властных структур как на федеральном, так и на региональном уровне. Последовали отставки таких известных «демократов первой волны» как Г.Попов, Г.Старовойтова, С.Станкевич и других.

Российская государственная бюрократия интегрировала и интегрирует до настоящего времени в свой состав только тех, кто принимает и в достаточной степени овладевает номенклатурными правилами и механизмами ее жизнедеятельности.

Одновременно происходящие процессы подавления сопротивления консервативной, традиционалистски настроенной части советской номенклатуры, становления российской правящей элиты как новой российской номенклатуры и ее размежевания с демократическим движением продолжились и после установления Конституцией Российской Федерации 1993 года новой демократической модели устройства и функционирования государства. Конституционная модель определяет Россию как демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления по типу смешанной (полупрезидентской) республики с сильной президентской властью.

Переломным моментом, резко ускорившим процесс размежевания российской номенклатуры с демократическим движением и ее отхода от либеральных и демократических принципов модернизации страны, стала начавшаяся в конце 1994 года чеченская трагедия, которая на многие годы вперед стала одним из доминирующих факторов российской политики.

Российская номенклатура достаточно быстро освоилась и адаптировалась к условиям новой конституционной модели и, что самое главное, достигла своей главной изначальной цели – пришла к власти в стране и практически полностью овладела всеми рычагами управления государством. Лишь определенное неудобство доставлял ей новый российский парламент, в который в основном сместился публичная составляющая политического процесса, включая продолжающееся политическое противостояние демократического движения и консервативной части советской номенклатуры, интересы которой стала представлять восстановленная в правах Коммунистическая партия Российской Федерации. Но этот процесс приобрел качественно иной, уже не революционный и более системный характер парламентской деятельности по формированию нового российского законодательства, к которой российская номенклатура, научившаяся за предшествующие годы эффективно решать свои политические и экономические проблемы путем лоббирования соответствующих указов Президента, первоначально относилась очень скептически. Тем не менее, ловко лавируя между фракцией КПРФ с ее парламентскими сателлитами, парламентским болотом, ориентированным на президентскую и исполнительную власть, и демократическими фракциями во главе с либерально ориентированной фракцией «Выбор России», российская номенклатура умело добивалась в Государственной Думе первого созыва (1993-1995) удовлетворяющих ее текущие интересы и запросы законодательных решений.

В таких условиях существенно потерявшее свой революционный запал, общественное влияние, раздробленное и во многом дискредитированное не без помощи ее временных попутчиков и политических оппонентов демократическое движение больше не нужно было в качестве политического союзника российской номенклатуре, ориентировавшейся в процессе модернизации страны, прежде всего, на укрепление и расширение собственного господствующего положения в обществе и государстве. Тем

более, что к этому моменту оформилась и окрепла не только государственно-бюрократическая составляющая российской номенклатуры, но и социально близкая и тесно связанная номенклатурными связями с государственной бюрократией ее экономическая составляющая – новая российская бизнес-элита, наиболее влиятельных представителей которой стали называть «олигархами». Революционный номенклатурно-демократический период практически заканчивался и победивший в стране политический режим начал преобразовываться номенклатурно-олигархический.

Формирование номенклатурно-олигархического режима при Президенте Б.Ельцине

Правящий режим стал опираться на политико-экономические группировки, сформировавшиеся в процессе приватизации по-российски как на федеральном, так и на региональном уровне. Такие номенклатурно-олигархические группировки формировались путем слияния, основанного на взаимных экономических и политических интересах, групп новой федеральной и региональной государственной бюрократии с нарождающимися финансово-промышленными группами в процессе капитализации номенклатурных связей и личного статуса их руководителей как в старой советской, так и в нарождающейся российской номенклатурной среде. Окрепнув и накопив достаточные финансовые и материальные ресурсы, финансово-промышленные группы стали использовать для своего развития не только старые советские номенклатурные связи, но и активно инкорпорировать лоббистов своих интересов в состав российской государственной бюрократии, порождая и укрепляя новые номенклатурные связи.

Новая российской номенклатура, представляющая собой тесное переплетение государственной бюрократии и бизнес-элиты и уходящая корнями в советскую номенклатуру, стала главным политическим актором олигархического типа на российской политической сцене. При этом достаточно жесткая конкуренция между номенклатурно-олигархическими

группировками, опирающимися на разные финансово-промышленные группы, в том числе и из состава печально известной «семибанкирщины», стала тем доминирующим фактором, который определял ход всех политических и социально-экономических процессов в стране.

Уже в самом начале формирования номенклатурно-олигархической режима российская номенклатура стала отчетливо проявлять еще одно из органически присущих ей свойств – адаптивность, т.е. способность эффективно адаптироваться или точнее адаптировать к своим интересам современные политические порядки и демократические институты, а также качественно новые информационные возможности постиндустриального этапа развития, называемого также в политической науке мега-тенденцией постмодернизма или постмодерном¹⁶.

Российская номенклатура достаточно быстро осознала, что при демократической форме устройства государства, установленной Конституция, основополагающим инструментом регулирования политических, экономических и социальных порядков является законодательство, формируемое в процессе деятельности российского парламента и, прежде всего, его нижней палаты – Государственной Думы. Поэтому она создала эффективно работающую систему законодательного лоббирования, включающую комплекс разнообразных методов и механизмов продвижения ее политических и экономических интересов в законодательной сфере. Российский законодательный лоббизм является достаточно интересным, самостоятельным объектом для исследования и политического анализа. При этом законодательная сфера стала еще одной существенно значимой зоной конкуренции номенклатурно-олигархических группировок.

Надо отдать должное российской государственной бюрократии, которая раньше своих экономических собратьев по номенклатурной среде поняла, что для лоббирования законодательных интересов в парламенте более эффективным и надежным является наличие собственной

¹⁶ См.: Соловьев А.И. Мега-тенденции российской политики //Власть. – 2000. - №8.

псевдополитической структуры, имеющей законное право участвовать в выборах. Уже в 1995 году для участия в выборах депутатов Государственной Думы второго созыва была сконструирована первая, предназначенная исключительно для целей лоббирования законодательных интересов государственной бюрократии подобная структура – движение «Наш дом – Россия», которая являлась организационным оформлением в поле публичной политики так называемой «партии власти». С этого времени «партия власти» в форме того или иного псевдополитического объединения стала доминирующим элементом российского избирательного механизма и только начавшей формироваться партийной системы. При этом жесткая номенклатурная конкуренция достаточно длительное время препятствовала организационной стабилизации «партии власти» в сфере публичной политики. Так в 1999 году наряду с движением «Наш дом – Россия», практически полностью потерявшим свое влияние после отставки в 1996 году с поста председателя правительства В.Черномырдина, в выборах депутатов Государственной Думы успешно участвовали и два новых альтернативных варианта «партии власти» - движения «Единство» и «Отечество – вся Россия». Эти движения представляли интересы жестко конкурирующих между собой политико-экономических группировок российской номенклатуры, возникших в результате раскола между федеральной и региональной государственной бюрократией в преддверье смены главы государства.

Однако российская номенклатура продемонстрировала не только органически присущую ей жесткую конкуренцию политико-экономических группировок, но и способность таких группировок к временной консолидации перед лицом общей для их господствующего положения угрозой. Такая гипотетическая угроза реставрации и прихода к власти консервативной части бывшей советской номенклатуры, находящейся в оппозиции к правящему режиму, возникла на выборах Президента России в 1996 году. Только благодаря «водному перемирию», заключенному между

наиболее влиятельными номенклатурно-олигархическими группировками, Президент Б.Ельцин был переизбран на второй срок. В ходе этой президентской избирательной кампании российская номенклатура продемонстрировала способность эффективно использовать в своих интересах один из основных демократических институтов – всеобщие альтернативные выборы и применять при их проведении самые современные избирательные и информационные технологии. Примером этого может служить известная PR-кампания «Голосуй или проиграешь».

Следует отметить, что высокую адаптивность к информационным технологиям постмодерна российской номенклатуры стала демонстрировать еще до президентских выборов 1996 года. При чем ведущую роль в этом процессе играли, прежде всего, «олигархи». Они первыми осознали первостепенную значимость СМИ и в целом сетевых средств массового информирования как инструмента публичной политики и информационного управления общественным мнением в условиях постиндустриального развития.¹⁷

Уже в процессе своего зарождения многие финансово-промышленные группы стали приобретать в собственность или брать под свой контроль электронные и печатные СМИ, используя все те же номенклатурные механизмы приватизации, а также несовершенство законодательства, регулирующего экономические механизмы функционирования СМИ, и на этой базе создавать собственные медиа-империи. Для достижения конкретных политических и экономических целей своих явных или неявных владельцев российские СМИ, входящие в такие медиа-империи, начали достаточно регулярно развязывать информационные войны, широко применяя информационные технологии рационального и психологического манипулирования общественным мнением. Таким образом российская номенклатура начала на практике реализовывать в своих целях и интересах

¹⁷ См.: Нисневич Ю.А. Информация и власть. – М.: Мысль, 2000. – с.119-124.

одну из основных угроз постмодерна – информационное манипулирование причем в наиболее агрессивной форме информационных войны.

Основную проблему для российской номенклатуры в период президентства Б.Ельцина представляла, прежде всего, социально-экономическая нестабильность в стране, которая во многом определялась таким значимым для остающейся по-прежнему сырьевой России фактором как предельно низкие мировые цены на нефть и другие энергоносители и стимулировалась номенклатурной конкуренцией номенклатурно-олигархических группировок, что и привело в 1998 году к серьезному экономическому кризису.

Дефолт 1998 года заметно ускорил развитие наметившихся сразу после президентских выборов тенденций в трансформации правящего номенклатурно-олигархического режима, которые выражались в следующем.

Во-первых, после поражения на президентских выборах 1996 года лидера КПРФ Г.Зюганова ресурс публичной политической борьбы у традиционалистски настроенной части бывшей советской номенклатуры стал заметно иссякать и она перестала представлять реальную угрозу для правящего режима как самостоятельный претендент на власть. Осознав такую ситуацию, эта часть бывшей советской номенклатуры стала отказываться от публичной политической конфронтации с правящим режимом. Многие ее представители избрали другой, более свойственный номенклатурной среде путь реванша и начала интегрироваться в достаточно социально близкую ей новую российскую номенклатуру. Особенно после дефолта 1998 года приток бывших советских номенклатурных кадров в структуры российской государственной власти заметно интенсифицировался и в настоящее время по данным социолога О.Крыштановской¹⁸ число государственных чиновников, начавших свою деятельность еще при режиме

¹⁸ Материалы семинара «Российские элиты вчера, сегодня, завтра». Фонд «Либеральная миссия», 2003.

Л.Брежнева, составляет более 30%, при этом среди высших государственных чиновников – более 50%.

Такой компромисс был обоюдно выгоден обеим сторонам, так как он способствовал расширению и укреплению российской номенклатуры и одновременно повышению социальной однородности, а, следовательно, и политической стабильности правящего режима.

Во-вторых, правящий режим начал постепенно восстанавливать нарушенное в ходе революционных процессов равновесие между тремя опорными механизмами любого государства – государственным аппаратом, армией и полицейскими службами (милиция и спецслужбы).

Государство устойчиво функционирует только тогда, когда равномерно опирается на все три указанные опорные механизма, каждый из которых строго выполняет только предписанные ему государственные функции и не доминирует над другими, вмешиваясь в их функционирование. Если такое доминирование и вмешательство имеет место, то государство как управляющий механизм начинает работать неустойчиво и государственная власть становится нестабильной. В демократических государствах стабильное равновесие между государственным аппаратом, армией и полицейскими службами удерживается демократическим политическим режимом, обеспечивающим с одной стороны периодическую сменяемость высших политических руководителей этих структур на основе конкуренции политических партий на всеобщих альтернативных выборах, а с другой – соблюдение под жестким контролем политической оппозиции и влиятельного общественного мнения принципа политической нейтральности государственных чиновников и сотрудников силовых ведомств. В авторитарных и тоталитарных государствах такое равновесие, как правило, нарушается, что и предопределяет относительную недолговечность правящих в этих странах режимов. В таких государствах при наличии однопартийной системы как дополнительной политико-государственной опоры правящего режима динамическое равновесие между государственным

аппаратом, армией и полицейскими службами может поддерживаться определенное время путем периодических репрессивных воздействий, оказываемых на эти структуры попеременно, (именно так действовал режим И.Сталина) или путем номенклатурной ротации их руководящих кадров с использованием партийных органов и структур.

Прогрессистки настроенная часть советской государственной бюрократии являлась одной из основных движущих сил номенклатурно-демократической революции, а армия и полицейские службы, хотя и придерживались преимущественно традиционалистских взглядов, тем не менее старались в целом сохранить нейтральную позицию в революционном противостоянии, и вмешивались только в предельно критических ситуациях, стараясь при этом к счастью минимизировать свое в них активное участие. Поэтому государственный аппарат в силу такой логики развития политических процессов объективно оказался в постреволюционной России в доминирующем положении по отношению к армии и полицейским службам. При этом военные, сотрудники милиции и спецслужб существенно потеряли в своем материальном и социальном положении, что естественно вызывало их недовольство. Это недовольство заметно усилилось и обострилось после того, как практически все силовые структуры страны были втянуты правящим режимом в чеченскую войну и стали нести существенные людские потери. Для того, чтобы переломить такую ситуацию, грозящую дестабилизировать государство, номенклатурно-олигархический режим взял курс на укрепление и материальную поддержку силовых структур. Эту тенденцию в трансформации правящего режима отметил трагически погибший депутат Государственной Думы первых трех созывов В.Головлев при анализе бюджетного процесса в Государственной Думе второго созыва (1995-1999).¹⁹

¹⁹ Головлев В.И., Нефедова Т.И. Государственная Дума второго созыва: роль и место в политическом переломе. – М.: Фонд «Ноосфера», 2000. – с.129-139.

В-третьих, при поддержке части новой российской номенклатуры начался процесс активного вхождения «людей в погонах» (которые не бывают «бывшими») в органы российской государственной власти на федеральном и региональном уровне, а, следовательно, и в правящую номенклатурную среду. Наиболее ярким примером такого процесса является политическая карьера генерала А.Лебедя. При этом интенсифицировалось и внедрение силовых структур, прежде всего спецслужб, в экономическую сферу как контролирующих органов, охранных служб и неофициальных «крыш» хозяйствующих субъектов, что нашло отражение даже в художественном творчестве²⁰ как знаковый символ правящего в России режима.

В логике именно этих тенденций лежат последовательные назначения на должность председателя правительства России после дефолта 1998 года Е.Примакова, С.Степашина, В.Путина и выбор последнего в качестве приемника Президента Б.Ельцина.

Развитие номенклатурно-олигархического режима при Президенте В.Путине

Успех операции «наследник», в результате которой в 2000 году Президентом России стал В.Путин, во многом определялся тем, что эта фигура в полной мере соответствовала тенденции «советизации» правящей российской номенклатуры с одновременным усилением ее силовой составляющей и отвечала ставшему доминирующим в обществе постреволюционному ожиданию стабильности и порядка в их традиционном для России патерналистском понимании.

Приход к власти генетически связанного со спецслужбами Президента В.Путина в полном соответствии с номенклатурными механизмами подбора и расстановки кадров привел к резкому усилению притока «людей в погонах» и, прежде всего, естественно представителей спецслужб и связанных с ними людей во все структуры государственной власти на

²⁰ См. например: Пелевин В.О. Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда: Избранные произведения. – М.: Эксмо, 2003.

федеральном и региональном уровне. Так по упомянутым ранее данным социолога О.Крыштановской в последние годы существования СССР «люди в погонах» составляли в государственном аппарате ~3-4%, за десять лет при Президенте Б.Ельцине их количество возросло до ~11%, а только за первый четырехлетний срок Президента В.Путина – до ~25%, при чем в высшем руководстве страны в настоящее время они составляют более 50%.

Приток в правящую номенклатурную среду в принципе нечуждых ей людей, хорошо знающих правила и владеющих механизмами ее жизнедеятельности, но многие из которых не смогли по их мнению должным образом поучаствовать в первоначальном разделе власти и собственности, естественным образом привел к очередному обострению номенклатурной конкуренцию.

С 2000 года в России начался номенклатурный передел власти и собственности под публично декларируемыми популистскими лозунгами сначала о равном удалении от власти «олигархов», а затем о защите государственных интересов от тех, кто незаконно приобрел собственность или уходил от налогов. Основным инструментарием передела стало целенаправленное или, пользуясь новым политическим эвфемизмом, «выборочное» применение силовых структур, прокуратуры, государственных контролирующих органов и псевдосудебных решений «споров хозяйствующих субъектов», принимаемых с очевидными нарушениями действующего законодательства, для осуществления добровольно-принудительной замены «назначенных собственников». Правящий режим в лучших советских традициях практически полностью подчинил своим корпоративным интересам деятельность не только правоохранительной системы, но и судебной власти и тем самым нарушил один из ключевых принципов ее деятельности в демократической системе разделения властей – независимость от других ветвей власти и политической конъюнктуры. Наиболее яркие и публично известные примеры такого номенклатурного передела представляют собой «дело Гусинского» и «дело ЮКОСа», а сотни

по сути подобных, но только менее масштабных и потому менее известных широкой общественности процессов происходили и происходят как в центре, так и в регионах.

Результатом номенклатурного передела является некоторое видоизменение политико-экономических группировок, становящихся доминирующими в российской номенклатуре. Также как и в государственной бюрократии в таких группировках лидирующие позиции стали занимать представители спецслужб или тесно связанные с ними бывшие советские номенклатурные кадры, которым органически свойственны непубличные методы конкурентной борьбы. При этом изменяется стилистика, но никоим образом не сама номенклатурно-олигархическая сущность правящего режима. Это подтверждается, в частности, последними данными журнала Forbes о возрастании в России за 2003 год числа долларовых миллиардеров с 17 до 25, среди которых все те же знакомые лица.

Тот факт, что органически присущая номенклатурной среде жесткая конкурентная борьба политико-экономических группировок за власть и собственность в настоящее время в отличие от периода президентства Б.Ельцина не столь существенно дестабилизирует социально-экономическую обстановку и в стране даже происходит повышение ВВП, правда, в основном за счет развития финансово-промышленных групп в сырьевых и добывающих отраслях, определяется следующим. У правящего режима при Президенте В.Путине появился существенный запас социально-экономической устойчивости как результат значительного по уровню и достаточно длительного во времени повышения мировых цен на нефть и другие энергоносители, которые Россия экспортирует во всевозрастающих объемах.

Наличие достаточного запаса социально-экономической устойчивости позволяет российской номенклатуре при Президенте В.Путине еще в большей степени, чем при Президенте Б.Ельцине проявлять и другие, кроме конкурентности, свои онтологические свойства.

Российская номенклатура продолжает интенсивно расширяться, особенно в своей государственно-бюрократической части, и во все большей степени проникать в экономическую и иные, прежде всего, в значительной мере контролируемые государством сферы общественной жизни. По некоторым данным сегодня в России численность государственного аппарата в 1,5 раза больше, чем была во всем СССР. Номенклатурный подбор и расстановка кадров в естественных монополиях и крупных акционерных обществах с государственным участием, а также в саморегулирующихся общественных организациях предпринимателей приобрели системный характер и стали осуществляться в сфере образования, науки, медицины и даже в творческих союзах.

После прихода к власти Президента В.Путина правящий режим стал еще более активно адаптировать к своим интересам информационную сферу и политические институты.

Именно в информационной сфере в первую очередь произошел передел собственности, вытеснение пытавшихся конкурировать с новыми доминантными политико-экономическими группировками старых «олигархов» и монополизация этими группировками в форме «огосударствления» основных электронных и печатных СМИ. При этом существенным образом сократилось количество альтернативных источников информации, которые политолог Р.Даль относит к шести основополагающим институтам современной полиархической демократии²¹. Информационное манипулирование общественным сознанием приобрело характер целенаправленной в интересах укрепления и обеспечения массовой поддержки правящего режима подмены реальных общественно-политических и социально-экономических процессов их специально сконструированными, виртуальными образами. Основой массового информирования стали агитационно-пропагандистские методы, во многом аналогичные тем, которые использовал советский режим, но существенно

²¹ Даль Р. О демократии. – М.: Аспект Пресс, 2000. – с.85.

усовершенствованные за счет применения современных информационных и коммуникационных технологий, включая сеть Интернет.

Адаптация правящим номенклатурно-олигархическим режимом демократических институтов и порядков, названная обслуживающими этот режим политическими аналитиками «управляемой демократией», осуществляется за счет практической реализации основных угроз, которые изначально несет в себе сама демократия как политическая система. Это – огосударствление политических партий и административное манипулирование избирательным механизмом.²²

После принятия в 2001 году федерального закона «О политических партиях» процессе огосударствления партийной системы был закреплён законодательно и политические партии, которым этим законом предписана устаревшая в современных условиях организационная структура, основанная на строго иерархическом администрировании и характерная для массовых партий по классификации М.Дюверже²³, были поставлены под административный контроль со стороны государства. При этом следует особо отметить, что, несмотря на все публичные заверения адептов этого закона, финансирование деятельности российских политических партий осталось по-прежнему существенно непрозрачным и коррупционным.

В этих благоприятных для нее условиях российская номенклатура, накопившая определенный опыт административного «партстроительства», сформировала для лоббирования своих групповых интересов в законодательной сфере типичную по определению Л. Мизеса²⁴ партию особых интересов и как результат перманентной номенклатурной конкуренции даже не одну. Были созданы партии Единая Россия, Народная партия России, Российская партия жизни. Однако, учитывая опыт предыдущих парламентских выборов, на выборах в Государственную Думу в

²² См.: Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. - М.: РОССПЭН, 1997.

²³ Дюверже М. Политические партии. – М.: Академический Проект, 2000. – с.116-123.

²⁴ Мизес Людвиг фон. Либерализм в классической традиции. – М.: Экономика, 2001. – с.167-171.

2003 году после длительной закулисной борьбы основная ставка была сделана на одну партию – Единая Россия. Эта номенклатурная партия, естественно, получилась во многом подобной КПСС, но с одним принципиальным отличием. КПСС сама породила номенклатуру и по праву родителя достаточно жестко контролировала ее поведение в соответствии со своими партийными нормами и правилами. Единую Россию породила номенклатура как инструмент для адаптации демократических политических порядков к своим интересам. Поэтому эта партия полностью подконтрольна номенклатуре, действует исключительно в ее интересах по ее нормам и правилам и ни в кой мере не может ограничивать свободу действий самой номенклатуры.

Тот факт, что правящая российская номенклатура полностью овладела и научилась эффективно использовать административное манипулирование всеобщими выборами и информационное манипулирование массовым сознанием, наглядно продемонстрировали парламентские выборы 2003 года и президентские выборы 2004 года. В целом аналогичная картина наблюдается и практически на всех происходящих в последние годы региональных выборах. При этом правящий номенклатурно-олигархический режим, сохраняя лишь внешнюю форму основных институтов демократической политической системы и демократического устройства государства, предписанного Конституций, практически полностью выхолащивает их идейное и политическое содержание.

Такие действия правящего режима особенно в ходе последней парламентской и последовавшей сразу за ней президентской избирательных кампаний привели к свертыванию только начавшегося в России процесса зарождения многопартийной системы как основного инструмента политической структуризации общества и практической реализации конституционного принципа идеологического многообразия. В поле российской публичной политики воцарился один абсолютно доминирующий актер – партия власти, выражающая интересы только одной социальной

группы – правящей номенклатуры. При этом политическим представителям других социальных групп и идеологических направлений отводится только роль декоративных, управляемых статистов. Следует отметить, что за такую политическую ситуацию существенная доля вины лежит и на демократически и либерально ориентированных элитных группах, но это – предмет для отдельного обсуждения.

В результате деформаций таких звеньев в цепи взаимосвязи и подотчетности государственной власти обществу как партийная система, которая должна обеспечивать политическое структурирование гражданского общества в форме автономных объединений граждан – политических партий, и избирательного механизма, который должен обеспечивать регулярное проведение свободных и честных выборов, происходит искажение основных функций в социально-политическом регулировании последнего, ключевого звена этой цепи – парламента. Такими функциями парламента в демократической системе разделения властей являются представительная, законодательная и контрольная функции. Утрата парламентом его основополагающего статуса как государственного органа всенародного представительства неизбежно влечет за собой то, что приоритетом его законодательной деятельности становится не выражение в форме законов общезначимых интересов и целей общественного развития, а законодательное закрепление корпоративных интересов правящей элиты и превращение контрольной функции парламента в инструмент конкурентной борьбы различных группировок в правящей элите.²⁵

Ощущая и наблюдая такие процессы, граждане утрачивают доверие как ко всем демократическим институтам, так и к представительной демократии в целом, что в первую очередь отражается в снижении явки избирателей и в возрастании протестного голосования на выборах всех уровней. В перспективе могут даже возникнуть если и не формально юридические, то политико-правовые проблемы легитимности парламента, других органов

²⁵ Нисневич Ю.А. Закон и политика (в печати).

государственной власти и правящего политического режима в целом. При сохранении такой тенденции недоверие граждан к государственной власти будет усиливаться и отчуждение власти от общества будет нарастать, что чревато серьезными как политическими, так и социальными последствиями.

Именно такие процессы происходят сегодня в поле российской политике в целом и в деятельности Государственной Думы в частности.

Достигнув относительной победы (37,7% и даже с учетом результатов в одномандатных избирательных округах всего ~50%) на парламентских выборах 2003 года, партия Единая Россия, используя номенклатурные и административные методы воздействия на депутатский корпус, расширила свое представительство в Государственной Думе четвертого созыва почти до 70% и провела качественные изменения внутренней структуры нижней палаты российского парламента. При этом Государственная Дума четвертого созыва с учетом состава ее выборной администрации во многом утратила черты политического института всенародного представительства, основанного на конституционном принципе многопартийности, и приобрела в результате строго иерархического построения ее организационной структуры, подчиненной на всех уровнях представителям одной депутатской фракции, характер административного органа государственного управления.

Таким образом наряду с судебной властью и законодательная власть утратила свою независимость от президентской и исполнительной власти и оказалась полностью подчиненной корпоративным интересам правящей номенклатуры.

Окончательное пренебрежение политическим содержанием демократической системы разделения властей и органически необходимой для ее реализации системы сдержек и противовесов во взаимоотношениях высших органов государственной власти при преимущественно дуалистических государственных режимах в смешанных

(полупрезидентских) республиках²⁶ правящий номенклатурно-олигархический режим продемонстрировал, фактически лишив и правительство России статуса политического института. Это было осуществлено в полном соответствии с логикой номенклатурного подбора и расстановки кадров путем назначения на должность председателя правительства еще даже до окончания президентских выборов 2004 года типичного связанного со спецслужбами представителя еще советской номенклатуры М.Фрадкова.

В целом правящий сегодня в России номенклатурно-олигархический режим реализовал в своих интересах в поле политики и еще одну угрозу исходящую от государственной бюрократии в условиях постмодерна. В эволюции государственной бюрократии отмечаются тенденции повышения ее роли в современном государстве путем оказания ею все возрастающего влияния на процессы выработки, принятия и реализации политических решений, оформления государственной бюрократии как относительно самостоятельного субъекта политической власти, части неизбежной правящей политической элиты и социального слоя, обладающего своей корпоративной этикой и традициями. При этом еще М.Вебер полагал, что перерождение государственной бюрократии в политическую таит в себе угрозу человеческой свободе и независимости.²⁷ При демократических политических режимах этим тенденциям успешно противостоят такие уже упомянутые выше механизмы, как периодическая сменяемость определенного политического круга высших государственных чиновников на основе конкуренции политических партий на всеобщих альтернативных выборах и жесткий контроль политической оппозиции и влиятельного общественного мнения за соблюдением неполитической, исполнительной частью государственного аппарата политического нейтралитета. При

²⁶ Конституционное (государственное) право зарубежных стран: В 4 т. Том 1-2. Часть общая /Отв. ред. проф. Б.А.Страшун. – М.: БЕК, 2000. – с.348-352.

²⁷ Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. – М.: Аспект Пресс, 2001. – с.140.

правлящем в России номенклатурно-олигархическом режиме естественно такие политические ограничительные механизмы просто отсутствуют, так как правящая номенклатура не только является абсолютно доминирующим политическим актором, но и сознательно использует такое свое положение для трансформации формально демократических институтов и порядков с целью обеспечения себе полной свободы действий.

При этом правящая российская номенклатура, большую часть которой и составляют государственные чиновники, кардинально и качественно отличается от веберовской государственной бюрократии.

Классическая бюрократия в идеале представляет собой иерархически организованную и достаточно сплоченную структуру с отлаженным механизмом вертикальной мобильности и устоявшимся кодексом корпоративного поведения и этики, основанными, прежде всего, на принципе профессионализма. Естественно эта структура обладает и присущими любой бюрократической системе хорошо известными, негативными тенденциями. Но так как она действует, как правило, в четко законодательно установленных рамках, под политическим контролем стоящей над ней партийной системы и под пристальным вниманием общественного мнения, то эти тенденции в значительной мере пресекаются.

Российская номенклатура также в целом имеет иерархическое построение, которое в принципе может и не совпадать с иерархией государственных и иных руководящих должностей - фактические лидеры образующих ее политико-экономических группировок могут находиться при определенных условиях вне поля публичной политики. Более того, можно отметить и еще одну значимую политическую тенденцию постмодерна, которую восприняла российская номенклатура. Сегодня в поле публичной политике в большей степени востребованы виртуальные лидеры-символы, чем реальные волевые политики, что возможно обусловлено новыми качествами информационной среды и привнесенными ими принципами мифологизации массового сознания и массового восприятия. Можно

предположить, что и безусловный лидер российской номенклатуры Президент В.Путин скорее именно такой лидер-символ.

Российская номенклатура, несмотря даже на ее в целом иерархическое построение, представляет собой нестабильную социальную среду, расколотую конкурирующими политико-экономическими группировками как по вертикали, включая федеральный и региональный уровни, так и по горизонтали между этими уровнями.

При этом российская номенклатура обладает ни чем не ограниченной свободой действий при реализации своего доминантного идеологического принципа использования власти для достижения личного социального и материального благополучия и может в полной мере проявлять такие свои онтологические свойства как перманентная конкуренция номенклатурно-олигархических группировок, проникновение во все значимые сферы жизнедеятельности общества и государства и постоянно расширяющееся самовоспроизводство. Даже советская номенклатура не обладала такой полной свободой, какой сегодня обладает российская номенклатура, так как в своей жизнедеятельности была ограничена хотя и специфическими, но все же вполне определенными правилами, установленными породившей ее КПСС.

Именно номенклатурно-олигархический характер правящего сегодня в России режима и практически полная свобода и бесконтрольность деятельности российской номенклатуры, составляющей социальную опору этого режима и уходящей корнями в номенклатуру советскую, предопределяют достаточно мрачные перспективы не столько развития, сколько в принципе существования России в ее современных границах. При этом невольно возникают вполне объяснимые ассоциации с правящим в СССР накануне его распада политическим режимом, но только в условиях постиндустриального ветка исторической спирали, которому явно присуще ускорение времени политико-экономических трансформаций.

* * *

Представленный анализ естественно не претендует на всестороннюю аутентичность описания политических процессов и событий, происходивших и происходящих в современной России под влиянием широко спектра разнообразных, часто слабо формализуемых и изученных политических и социально-экономических факторов. В этом смысле представленный анализ бесспорно является достаточно упрощенным и схематичным. Но представляется, что предлагаемая номенклатурная парадигма политического анализа позволяет выявить достаточно логичную последовательность в действиях правящего номенклатурно-олигархического режима и вполне аргументировано обосновать главную тенденцию в российской политической реальности, которая можно образно описать следующей картиной.

Российское общество, на поверхности которого в результате революционных событий начала 90-х годов XX века образовался слабый демократический просвет, сегодня быстро затягивает всепоглощающая и проникающая повсюду номенклатурная трясина.

Для того, чтобы противостоять грозящему распадом страны процессу подавления гражданского общества и бесконтрольного расползания во власти господствующего социального слоя – российской номенклатуры, генетическим предшественником которой является номенклатура советская, необходимо наполнить реальным, а не виртуальным политическим содержанием демократические институты автономных ассоциаций граждан и альтернативных всеобщих выборов. Практически это может сделать только имеющая достаточно широкую социальную опору в обществе демократическая оппозиция правящему номенклатурно-олигархическому режиму, объединенная по всему спектру демократических идеологий первоочередной задачей - остановить процесс окончательной приватизации политической и государственной власти в стране правящей номенклатурой.

марта 2004

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ*

Первоочередная задача демократической оппозиции

Признавая тот факт, что сегодня в России править номенклатурно-олигархический режим, следует отдавать себе отчет в том, что такой режим подобно советскому режиму, правившему в СССР и породившему номенклатуру как господствующий социальный слой²⁸, создает реальные угрозы возникновения серьезных политико-экономических и социальных конфликтов, которые могут иметь далеко идущие и даже катастрофические для страны последствия.

При этом российский номенклатурно-олигархический режим в одном аспекте значимо, но не в лучшую сторону отличается от предшествующего советского режима. Российская номенклатура, являющаяся социальной опорой номенклатурно-олигархического режима и правящей сегодня элитой, практически бесконтрольно растекается во власти, проникает во все сферы жизнедеятельности общества и до поры до времени эффективно манипулирует массовым сознанием, подчиняя своим интересам политические, экономические и социальные порядки и институты.²⁹ Даже при советском режиме деятельность номенклатуры находилась под хотя и специфическим, но достаточно жестким контролем со стороны сформировавшей ее КПСС. Такой контроль был основан на абсолютном доминировании партии как государственно-политической конструкции над номенклатурой и на строго иерархическом построении партийной структуры в соответствии с известным принципом «демократического централизма».

Эволюционный, а не революционный (в лучшем случае подобный началу 90-х годов XX века) путь смены правящего в России политического

* Здесь сознательно использовано название известного в 70-е годы прошлого века фильма немецких кинодокументалистов, демонстрирующего возможную на основе рефлексивного анализа корреляцию образов будущего с фактами исторического прошлого.

²⁸ Большой энциклопедический словарь. – М.: АСТ, 2003.

²⁹ См.: Нисневич Ю.А. Номенклатурный апокалипсис. Материалы Клуба «Открытый Форум», 16 марта 2004 года.

режима предполагает, прежде всего, наполнение реальным политическим содержанием в достаточной мере демократическую модель политического и государственного управления, установленную Конституцией России (1993). Это позволит в качестве первого, но принципиально важного шага включить политические механизмы контроля и ограничения деятельности правящей номенклатуры. В демократическом государстве механизмы конкуренции политических партий на всеобщих альтернативных выборах и жесткого контроля политической оппозиции совместно с влиятельным общественным мнением позволяют эффективно купировать негативные тенденции и угрозы демократии, объективно проявляющиеся в деятельности любой правящей элиты и государственной бюрократии как ее неизбежной составной части. Именно такие угрозы в полной мере и практически бесконтрольно реализует сегодня правящая российская номенклатура.

Таким образом представляется, что первоочередной задачей противодействия порождаемым правящим номенклатурно-олигархическим режимом негативным политическим, социальным и экономическим тенденциям является восстановление реального содержания таких основополагающих политических институтов современной демократии как автономные ассоциации граждан и альтернативные всеобщие выборы. Эту задачу необходимо решать в условиях, когда правящий режим достаточно успешно адаптирует в своих интересах не только систему политических партий и механизм всеобщих выборов, но и практически все установленные Конституцией России государственные и политические институты, сохраняя только их внешнюю псевдодемократическую форму и выхолащивая их принципиально значимую демократическую сущность.

В таких условиях первоочередную задачу «реабилитации» основных институтов демократии и включения политических механизмов контроля и ограничения деятельности правящей номенклатуры способна решить только имеющая достаточно широкую социальную опору в обществе и хорошо организованная, реальная, а не виртуальная демократическая оппозиция

правлящему номенклатурно-олигархическому режиму, открыто и публично оппонирующая этому режиму по всему спектру политических и социально-экономических проблем.

Проблемы формирования демократической оппозиции

Общественно-политическая конструкция, оппозиционная правящему режиму, в объединительном аспекте должна представлять собой общедемократическое антиноменклатурное движение, подобное в этом аспекте антикоммунистическому движению «Демократическая Россия» (1990-1994)³⁰, но идеологически и функционально соответствующее качественно иной политической ситуации и действующее исключительно в рамках конституционного и законодательного поля.

Для того чтобы подобная конструкция приобрела принципиально новое политическое качество и долговременную социальную устойчивость, она должна изначально строиться по принципу пирамиды, в основание которой должна быть заложена достаточно широкая общественная платформа, состоящая из формальных и неформальных объединений граждан, ориентированных по всему спектру демократических идеологий и придерживающихся различной степени оппозиционности правящему режиму. Базовыми для построения такой платформы могут стать существующие, максимально автономные от государственной власти структуры только начинающего формироваться в России гражданского общества: корпоративные, профессиональные, социальные и другие общественные объединения, просветительские, научно-исследовательские и иные фонды и некоммерческие организации, политические и дискуссионные клубы, а также просто группы граждан, объединенные частными интересами.

Политическое конструирование широкой оппозиционной платформы в сложных условиях высокой степени аполитичности российского общества, конформистского настроения существенной его части по отношению к

³⁰ Коргунюк Ю.Г., Заславский С.Е. Российская многопартийность (становление, функционирование, развитие) / Под ред. Ю.Г.Коргунюка. – М.: ИНДЕМ, 1996. – с.61-63.

правлящему режиму и явного и неявного подавления этим режимом слабых ростков гражданского общества представляется базовой проблемой формирования общедемократической оппозиции. Этой проблеме пока еще незаслуженно уделяется существенно меньшее внимание, чем проблеме построения партийной части такой оппозиции, которая должна выражать интересы и объединять в поле политики ее общественную платформу.

Объективная необходимость обязательного построения партийной надстройки обусловлена следующим. Для того чтобы оппозирующая правящему режиму общественно-политическая конструкция в рамках существующего конституционного и законодательного поля могла принимать полномасштабное участие в политическом процессе, включая все избирательные кампании федерального, регионального и местного уровней, на вершине ее пирамиды должна располагаться объединенная политическая партия или блок политических партий. В соответствие с действующим избирательным законодательством только политическая партия или блок, состоящий не более чем из трех политических партий, соответствующих требованиям Федерального закона №95-ФЗ от 11 июля 2001 года «О политических партиях»³¹, может являться избирательным объединением – единственным юридически полноправным субъектом избирательного процесса.

Исходя из политической ситуации, сложившейся после последних парламентских (декабрь 2003 года) и президентских (март 2004 года) выборов, и поведения в ходе и после этих выборов политических партий и отдельных политиков демократической ориентации, просматриваются три возможных варианта формирования партийной части общедемократической оппозиции правящему номенклатурно-олигархическому режиму.

Первый вариант предполагает создание коалиции или союза существующих демократических партий, ориентированных на оппозирование в той или иной степени правящему режиму. Однако этот

³¹ Собрание законодательства РФ, 2001, №29, ст.2950.

вариант представляется практически не реализуемым по следующим причинам.

Во-первых, две наиболее известные демократические партии «Союз Правых Сил» и «Яблоко» и их лидеры практически полностью исчерпали кредит доверия даже у демократически и прогрессистки настроенной части российского общества, в результате чего и потерпели поражение на парламентских выборах, но продолжают считать каждая именно себе единственным значимым выразителем политических интересов этой части общества. Тем не менее следует констатировать, что у каждой из этих партий пока еще сохраняется собственный, хотя и незначительный в количественном отношении «ядерный» электорат.

Во-вторых, обе эти партии органически неспособны не только к какому-либо взаимодействию друг с другом, но и к реальному, а не декларативному участию в любом объединительном процессе.

Партия СПС представляет собой своеобразного «политического империалиста», ориентированного на поиски выхода из критических для партии политических ситуаций, прежде всего, за счет агрессивной экспансии на демократически и прогрессистки настроенной части электорального поля и демонстрации свой в основном имитируемой влиятельности и «прислоненности» к правящему режиму. Как показывает политическая практика последних лет, подобная тактика кризисного управления только усугубляет электоральные и внутренние проблемы этой партии и представляется стратегически бесперспективной в контексте сегодняшних российских политических реалий.

Партия «Яблоко» напротив представляет собой «политического селекционера-мичуринца», который тщательно и ревностно оберегая свою электоральную долю, пытается вырастить некий доселе неизвестный политический гибрид – путь то ли к социалистическому капитализму, то ли к капиталистическому социализму (одним словом ПУКС селекционера

Гладышева из романа В.Войновича³²). Стремясь любыми средствами сохранить себя на российской политической сцене, партия «Яблоко» даже демонстрирует, начиная с последних парламентских выборов, готовность поступиться своей самостоятельностью в образе «постоянного и непримиримого критика власти» для того, чтобы заручиться благосклонностью правящего режима, естественно, не без определенного давления с его стороны. В результате между партией «Яблоко» и партией СПС возникла дополнительная зона политической конкуренции, но уже в сфере взаимоотношений с правящим режимом, которую последний успешно использовал и будет использовать в своих интересах.

Ни партия СПС, ни партия «Яблоко» не способны сегодня сыграть роль центра консолидации общедемократической оппозиции правящему номенклатурно-олигархическому режиму и обеспечить такой оппозиции широкую общественную поддержку, так как каждая из этих партий трактует любое объединение как исключительно присоединение к себе на устанавливаемых только ею условиях. Более того, обе эти партии являются сегодня в политико-организационном смысле определенным препятствием на пути процесса формирования и консолидации общедемократической оппозиции, требующем, прежде всего, не менторских и своекорыстных, а уважительных и партнерских отношений и определенных компромиссов во взаимодействиях как с менее значимыми политическими партиями и отдельными политиками, так и с широким спектром общественных объединений и групп.

В-третьих, любая коалиция еще менее значимых, чем СПС и «Яблоко» действующих политических партий демократической ориентации или даже одно или два псевдообъединения таких партий и некоторых общественных организаций под абсолютным диктатом либо СПС, либо «Яблока» могут представлять лишь ограниченный политический интерес только для самих

³² См.: Войнович В.Н. Жизнь и необычные приключения солдата Ивана Чонкина. – М.: Вагриус, 1995.

этих партий и их руководителей. Подобные структуры, как показывает российская политическая практика, принципиально неспособны не только привлечь интерес широких социальных слоев, но и мобилизовать даже демократически и прогрессистки настроенную часть российского общества на оппонирование правящему номенклатурно-олигархическому режиму.

Можно с достаточно высокой степенью уверенности предположить, что практически все существующие российские партии демократической ориентации в достаточно близкой перспективе окончательно исчезнут как более или менее значимые акторы российского политического процесса. Возможно некоторые из таких партий будут еще какое-то время сознательно сохраняться их руководителями как номинально существующие структуры исключительно в качестве формального аргумента партийных руководителей в их персональных политических переговорах, благо действующий закон о политических партиях не предусматривает ни настоящей необходимости, ни реально действующего механизма самоликвидации политических партий. При этом следует признать, что партии СПС и «Яблока» имеют перспективы в течение более длительного времени, чем другие партии демократической ориентации сохраняться в качестве обособленных политических анклавов, отражающих политические тенденции процесса российской модернизации, сформировавшиеся на его начальной стадии в конце XX века.

Второй вариант предполагает создание единой общедемократической партии, способной предложить российскому обществу новый курс развития страны, демократическую альтернативу правящему номенклатурно-олигархическому режиму и построенной как современная «избирательная машина» по типу кадровой партии³³ на качественно иных, чем существующие партии организационных принципах. Этот вариант представляется наиболее оптимальным, но именно в силу своей оптимальности он вряд ли может быть реализован в ближайшей перспективе, исходя из такого онтологического свойства российской политики как

³³ Дюверже М. Политические партии. – М.: Академический Проект, 2000. – с.116-123.

предельно жесткая и бескомпромиссная конкуренция исключительно за единоличное лидерство в рамках каждого политического анклава одной идеологической направленности.

Для практической реализации этого варианта необходимы близкие к идеальным политико-организационные условия и, прежде всего, наличие группы влиятельных политиков демократической ориентации, не только теоретически понимающих его оптимальность, но способных совместными усилиями на деле осуществить такой вариант в полном объеме. Однако сегодня практически все более или менее значимые и известные российские политики демократической ориентации объективно заинтересованы в первую очередь в собственном политическом выживании. Поэтому большинство из них будет использовать различные тактические приемы и комбинации вплоть до создания новых собственных партий для того, чтобы сыграть достойную в их собственном представлении, а значить только одну из ведущих ролей в процессе формирования общедемократической оппозиции правящему режиму. И это объективная реальность, которая уже сегодня оказывает и будут продолжать оказывать определяющее влияние на процесс формирования партийной части такой оппозиции. Тем не менее общедемократическую оппозицию правящему номенклатурно-олигархическому режиму, построенную в форме пирамиды, представленной в поле политики единой общедемократической партией и опирающейся в социальном пространстве на широкую общественную платформу из структур гражданского общества, следует рассматривать как идеальный образ будущего, стратегическую цель политической консолидации демократически и прогрессистки настроенной части российского общества.

Поэтому наиболее реалистичным представляется третий вариант формирования партийной части общедемократической оппозиции. Этот, по сути, комбинированный вариант предполагает создание новой политической партии общедемократической ориентации, которая призвана сыграть роль центра консолидации в процессе объединения в блок как части

действующих, так и вновь созданных отдельными политиками из личных тактических соображений демократических партий, в той или иной степени оппозиционно настроенных по отношению к правящему номенклатурно-олигархическому режиму.

При этом создание партийной части общедемократической оппозиции как блока таких партий предпочтительно осуществлять по принципу «апельсина», в котором каждая долька – самостоятельная во взаимно установленных пределах политическая партия, задачей которой является влияние на свою идеологически или социально определенную часть общества, опираясь на соответствующие общественные объединения. Дольки должны быть наполнены реальным «соком политической жизни» и плотно прижаты друг к другу в рамках единой общедемократической конструкции, способной к дальнейшему саморазвитию. Региональные отделения блока также следует строить по принципу «апельсина», но количество и качество долек на региональном уровне может быть различными в зависимости от местных политических условий и климата. Дальнейшее развитие должно пойти по пути постепенного более тесного объединения долек, а затем их полного слияния в созревший плод – единую общедемократическую политическую партию, т.е. в направлении второго из рассматриваемых вариантов построения партийной части общедемократической оппозиции. Этот путь достаточно долог и тернист. Но самое опасное на этом пути пытаться в угоду личным и групповым интересам искусственно форсировать процесс естественного созревания, особенно разрушая и противопоставляя построение блока на федеральном и региональном уровне.

Именно такой принцип «апельсина» предлагалось использовать при создании партии «Союз Правых Сил» из политических объединений, входивших в одноименный избирательный блок на парламентских выборах 1999 года.³⁴ Отказ от этого принципа в пользу форсированного созданию

³⁴ Нисневич Ю.А. Правая альтернатива или альтернатива правых. Газета «Демократический Выбор», май 2000, №20(200).

единой партии в комплексе с рядом других причин политического и организационного характера и привел эту партию в ее нынешнее, мягко говоря, неудовлетворительное состояние.

В успехе или не успехе построения партийной части и создания в целом общедемократической оппозиции существенно значимую роль, очевидно, будет играть качество и характер новой политической партии, которая возьмет на себя функцию консолидирующего центра.

Цели и проблемы построения новой общедемократической партии

Построение новой общедемократической партии должно обеспечить возможность решения ряда ключевых в существующей общественно-политической обстановке проблем создания реальной, а не виртуальной оппозиции правящему режиму.

Во-первых, это - политическая консолидация широких социальных слоев российского общества, ориентированных на оппонирование правящему номенклатурно-олигархическому режиму с демократических позиций. Поэтому представляется существенно важным, чтобы в идеале общедемократическая партия отражала весь спектр демократических идеологических направлений (социал-демократического, либерального, консервативного).

Во-вторых, это - формирование нового, привлекательного для широкой общественности публичного образа российской демократии. Партия должна представить обществу сплоченную общими политическими целями команду профессиональных политиков-демократов новой генерации. Ведущие публичные политики новой генерации должны с одной стороны либо уже иметь определенную репутационную привлекательность и узнаваемость на федеральном уровне, либо иметь в силу своих личных и профессиональных качеств хорошие перспективы для их достаточно быстрого приобретения. С другой стороны они не должны быть обременены в представлении широких слоев общества какой-либо значимой ответственностью за решения и действия властей или за неудачи в предыдущей политической деятельности.

В-третьих, это - создание благоприятных, прежде всего, организационных условий для минимизации вероятности возникновения традиционных для всех российских политических структур внутренних конфликтов и расколов.

Систематически возникающие в российских политических партиях любых идеологических направлений конфликтные ситуации являются следствием перехода в тех или иных политических обстоятельствах в состояние открытого противостояния следующих, как правило, взаимосвязанных и стимулирующих взаимное развитие конфликтов интересов:

- общеполитических проектов и конкретных программ политических действий различных вертикально интегрированных групп в руководстве и активе партии (конфликт политических интересов);

- при взаимодействиях между центральными руководящими органами или отдельными руководителями партии и ее региональными отделениями (конфликт интересов «центр - регионы»);

- личных политических амбиций как в центральном руководстве партии, так и в руководстве ее региональных отделений (конфликт личных интересов).

Для российских политических партий наиболее характерно разрешение таких конфликтов интересов, которые объективно всегда имеют место в латентном состоянии в любых политических структурах, путем, как правило, полного подавления оппозиционного меньшинства руководством партии или временной коалицией большинства, создаваемой различными группами в руководстве и активе партии по принципу «разделяй и властвуй». Подобные действия, иногда объективно вынужденные внешними обстоятельствами или даже прямыми угрозами извне, позволяют временно консолидировать партию, но, как показывает опыт большинства российских партий, становятся в перспективе существенными препятствиями на пути ее

дальнейшего развития и часто создают непосредственные предпосылки для ускорения процессов стагнации и постепенного саморазрушения партии.

Кроме того, фактором, существенным образом определяющим конфронтационный характер разрешения внутрипартийных конфликтов, является и то, что организационное построение российских партий предоставляет лишь две практически значимые для политического карьерного роста их членов, но существенно ограниченные в размерах позиции – центральное руководство партии и руководство ее регионального отделения. При этом отсутствует в достаточной мере объективный и реально основанный на профессиональном отборе партийный механизм вертикальной мобильности как для личного политического роста на каждой из этих позиций, так и для перехода с региональных позиций в центральное руководство партии.

Описанная типичная практически для всех российских партий картина обусловлена во многом тем, что при построении их сверх меры централизованных и иерархических организационных структур используется как представляется устаревшая в современных условиях модель массовой партии³⁵, которая была характерна в XX веке, прежде всего, для политических партий тоталитарной и авторитарной идеологической направленности. Следует отметить, что именно на эту модель ориентирован и действующий федеральный закон «О политических партиях».

Принципиально важным при создании новой общедемократической партии, которая должна стать притягательным центром консолидации общедемократического антиноменклатурного движения, представляется использование такой модели построения партийной структуры, которая позволила бы обеспечить реальную политическую консолидацию широких социальных слоев на оппонирование правящему номенклатурно-олигархическому режиму с демократических позиций, формирование нового привлекательного для российского общества репутационного образа

³⁵ Дюверже М. Указ. соч. – с.116-123.

демократии и создание условий, минимизирующих вероятность конфронтационного разрешения внутрипартийных конфликтов интересов.

В качестве возможных и в принципе не альтернативных моделей построения организационной структуры новой общедемократической партии как эффективного избирательного механизма по типу кадровой партии предлагается рассмотреть две модели, условно называемые «парламентская федерация» и «открытое акционерное общество».

Предлагаемые модели определяют лишь общие принципы построения структуры общедемократической партии. Многие элементы конструкции такой партии нуждаются, естественно, в более детальной проработке, а ее окончательная и согласованная учредителями структура в формализованном описании в уставе партии, который должен соответствовать требованиям федерального закона «О политических партиях». Однако последняя проблема при любой модели построения партийной структуры представляется вполне решаемой и исключительно юридико-технической задачей.

Модель «парламентская федерация» общедемократической партии

Модель «парламентская федерация» предполагает в качестве постоянно действующего руководящего органа партии - федеральный партийный парламент, который формируется на съезде партии избранием по пропорциональной системе без порогового барьера, т.е. голосованием за списки внутрипартийных фракций. При этом предпочтительной представляется фракционная система, состоящая не более чем из трех внутрипартийных фракций, образованных, прежде всего, по признаку общности политических взглядов и подходов.

Для того чтобы уменьшить накал межфракционной конкуренции, особенно, в процессе подготовки и проведения выборов в федеральный партийный парламент можно использовать «многомандатный» подход - предоставить делегатам съезда право голосовать не обязательно только за один фракционный список, а одновременно не более чем за два или три

таких списка. Такой подход при внутривнутрипартийной толерантности и корректной мотивации позволит создать благоприятные условия для действенной защиты политических прав внутривнутрипартийного меньшинства.

Предпочтительно, чтобы порядок деятельности федерального партийного парламента определялся его собственным регламентом. Наличие такого регламента позволит не только документально зафиксировать, но и оперативно и гибко видоизменять все процедуры работы федерального партийного парламента, включая порядок определения кворума и делегирования полномочий, подготовки и принятия решений, проведения голосований (тайно или открыто, общего или фракционного) и определения результатов голосования (по относительному или по квалифицированному большинству) в зависимости от характера обсуждаемых вопросов.

Целесообразно, чтобы председатель федерального партийного парламента выполнял только функции подготовки, созыва и ведения его заседаний, т.е. исключительно организационно-распорядительные функции парламентского координатора. Поэтому предпочтительно, чтобы после избрания на должность он не представлял интересы и не входил ни в одну из внутривнутрипартийных фракций. В принципе председатель федерального партийного парламента, наделенный только распорядительными и организационными внутривнутрипартийными полномочиями, может избираться и непосредственно на съезде партии, но только не в качестве председателя партии или ее политического руководителя.

Функции политической координации деятельности федерального партийного парламента и, в первую очередь, подготовки и вынесения на его рассмотрение политических вопросов, а также публичного представительства партии при этом возлагаются на лидеров внутривнутрипартийных фракций, образующих совет парламента, координируемый его председателем. Такому совету целесообразно предоставить право оперативно выступать с политическими заявлениями от имени партии по текущим политическим, социальным и экономическим событиям.

В периоды проведения избирательных кампаний по выборам Президента России и депутатов Государственной Думы руководство деятельностью совета и федерального партийного парламент в целом может быть возложено на партийного кандидата на должность Президента России или соответственно на первого номера в партийном списке, который, как правило, является и кандидатом на должность руководителя партийной депутатской фракции в Государственной Думе. При этом если результаты избирательной кампании будут признаны партией неудовлетворительными, то такой кандидат должен в обязательном порядке сложить с себя все полномочия политического руководителя, в том числе и той внутрипартийной фракции, в которой он состоит.

Для осуществления всей текущей организационной, информационной и хозяйственной работы партии федеральный партийного парламента должно сформировать подотчетный непосредственно ему, постоянно действующий исполнительный орган партии. Такой коллегиальный исполнительный орган может формироваться как своеобразное федеральное партийное правительство по коалиционному принципу или по принципу «парламентского большинства». Взаимоотношения и взаимодействия между федеральным партийным парламентом и федеральным партийным правительство должны строиться на основе принципа разделения политической и исполнительной власти в партии.

Аналогичным образом целесообразно формировать и организовывать деятельность постоянно действующих политических и исполнительных руководящих органов региональных отделений партии – регионального партийного парламента и региональной партийной администрации. При этом для расширения позиций для личного политического роста членов партии и определенной децентрализации партийной структуры предпочтительно не допускать совмещения членства в политических и исполнительных руководящих органах как на федеральном, так и на региональном уровне, за исключением возможно руководителя исполнительного органа, а также в

федеральном и региональном партийном парламенте. В качестве компромисса может рассматриваться вариант участия членов федерального партийного парламента – членов соответствующего регионального отделения партии в работе его партийного парламента с правом решающего голоса.

Структуризация региональных отделений партии по территориальному признаку на местные и первичные отделения должна быть максимально гибкой и существенным образом зависеть от специфики и ситуации в каждом конкретном региональном отделении. Предпочтительным представляется, чтобы местные и первичные отделения возглавлялись только одним лицом – координатором местного или первичного отделения.

В рамках рассматриваемой модели основу федеративного устройства общедемократической политической партии должны составлять договоры, заключаемые федеральным партийным парламентом с каждым в отдельности региональным отделением партии в лице его партийного парламента. Такой договор призван однозначно определить политические, организационные и финансовые условия взаимодействия и разграничение предметов ведения и полномочий между федеральным партийным парламентом и федеральным партийным правительством с одной стороны и региональным отделением партии в лице его партийного парламента и администрации с другой стороны. Партийная федерация может быть сформирована и как симметричная, и как асимметричная. При симметричной партийной федерации со всеми региональными отделениями партии заключаются одинаковые, типовые договоры. При асимметричной – с некоторыми или со всеми региональными отделениями заключаются индивидуальные договоры со специфическими для данного регионального отделения условиями.

При любом типе партийной федерации федеральному партийному парламенту следует предоставить право приостановки и отмены политических решений региональных партийных парламентов, а также на основании решения партийного суда право реорганизации регионального отделения партии путем досрочного прекращения полномочий

регионального партийного парламента и назначения его досрочного переизбрания, а также право ликвидации регионального отделения партии.

В рамках модели «парламентская федерация» одно из ключевых мест должен занимать партийный суд, призванный выполнять роль высшего арбитра в любых внутривнутрипартийных спорах и конфликтах, в том числе и между федеральным и региональными партийными парламентами. Члены партийного суда не должны состоять ни в одной из внутривнутрипартийных фракциях. Партийному суду целесообразно предоставить широкие судебные полномочия по проверке на соответствие программе и уставу партии решений как федерального, так региональных партийных парламентав, вплоть до их приостановления или даже отмены.

Модель «открытое акционерное общество» общедемократической партии

Модель «открытое акционерное общество» предполагает более жесткое построение, прежде всего, управленческой части партийной структуры и исходит из преимущественного права держателей основных пакетов «партийных акций» определяющим образом влиять на все политические и организационные решения. При этом каждый член партии изначально считается держателем как минимум одной «партийной акции».

Наиболее сложным с точки зрения объективной формализации и в то же время существенно значимым в рамках данной модели является определение понятия «партийная акция» и критериев для сравнительной оценки политической стоимости пакетов таких акций. Представляется, что «партийные акции» должны выражать доли в комплексе человеческих (количество членов партии) и материальных (финансовых или иных, имеющих стоимостное выражение в денежном эквиваленте) ресурсов, а также персонифицированных профессиональных (интеллектуальных) и репутационных (публично-статусных) ресурсов, которыми обладает политическая партия. Очевидно, что количественно в сравнимых единицах измерения можно оценить только долю в материальных ресурсах, имеющих прямое денежное выражение, и достаточно приблизительно в человеческом

ресурсе - как число членов партии, поддерживающих определенную линию в партийной деятельности и ее выразителей (лидеров) в руководстве партии и составляющих более или менее сплоченную и организованную группу.

Для оценки персонифицированных репутационных ресурсов могут использоваться такие критерии как:

- официальный статус в действующей системе государственно-властных полномочий (депутатский мандат федерального, регионального или местного уровня, должность в органах государственной власти или местного самоуправления);

- общественный или профессиональный (неполитический) статус (положение в общественных объединениях и иных негосударственных организациях, обладающих известностью и признанной общественной значимостью, авторитет и признание в обществе и/или профессиональной среде);

- уровень публичной узнаваемости в совокупности с репутационной привлекательностью и учетом реального влияния на различные социальные группы (при использовании данных разнообразных социологических опросов необходим предельно взвешенный и интегрально-аналитический подход к оценке методики проведения таких опросов и их результатов).

Очевидно, что как сами приведенные или любые иные репутационные критерии, так и их сравнительное использование всегда будет носить в существенной степени субъективный характер. Еще более субъективными могут быть любые критерии и оценки профессиональных ресурсов, а также оценки сравнительной политической стоимости обобщенных по всему комплексу партийных ресурсов пакетов «партийных акций». Поэтому при определении сравнительной политической стоимости пакетов «партийных акций» в настоящее время возможны только компромиссные договоренности между владеющими такими пакетами «акционерами», основанные на взаимосогласованных экспертных оценках. Однако в перспективе нельзя исключить возможность разработки методик более формализованной и

обоснованной с научных и прикладных позиций оценки политической стоимости «партийных акций».

На этапе учреждения общедемократической партии в соответствии с рассматриваемой моделью могут быть использованы как указанные компромиссные договоренности, так и еще более компромиссное решение, суть которого состоит в том, что группы учредителей партии изначально считаются обладателями равных по политической стоимости пакетов «партийных акций». При этом желательно, чтобы таких групп учредителей было не более двух-трех и они были бы сформированы также как и партийные фракции в рамках модели «парламентская федерация», прежде всего, по признаку общности политических взглядов и подходов.

Договоренности о начальной сравнительной политической стоимости пакетов «партийных акций» могут лечь в основу более широкого по содержанию учредительного договора о создании партии. В таком договоре следует по возможности четко определить основные принципы взаимодействия между группами учредителей и будущих «акционеров» партии, возможные подходы к решению таких достаточно деликатных и, как правило, конфликтных проблем как определение партийного кандидата на должность Президента России, состав первой тройки и партийного списка в целом на выборах в Государственную Думу, распределение должностей в Государственной Думе (руководитель фракции, заместитель председателя палаты, председатели и заместители председателей комитетов), а также общие принципы решения иных вопросов, затрагивающих групповые и личные интересы. Подобные предварительные договоренности целесообразны и при построении общедемократической партии по модели «парламентская федерация».

При расширении в процессе развития партии круга ее основных политических «акционеров» как за счет внутренних ресурсов, так и за счет привлечения таких «акционеров» извне оценку политической стоимости предлагаемых дополнительных пакетов «партийных акций» должен

производить политический совет партии, по своим функциям подобный совету директоров (наблюдательному совету) хозяйственного открытого акционерного общества.

Политический совет партии должен являться ее главным политическим руководящим органом, но при этом необязательно постоянно действующим в смысле представления партии как юридического лица по федеральному закону «О политических партиях», и избираться на съезде партии.

Как показывает российский опыт партийного строительства главный политический орган партии, а тем более партии, предполагающей объединение представителей различных политических взглядов демократической направленности должен представлять не набор конкурирующих между собой за руководящие посты в партии амбициозных политиков, а общую политическую команду, отражающую в совокупности весь спектр политических взглядов и подходов, соответствующих программе, целям и задачам партии. Поэтому предпочтительным является избрание такого органа на съезде партии единым списком, как одной, публично представляемой как выборщикам - делегатам съезда, так и всей партии команды, которой на ограниченный уставом партии срок доверяется политическое руководство. Такой поход является более открытым и честным, чем традиционная для российских партий практика имитации псевдодемократического избрания руководящих органов на персональной основе. За таким избранием в реальности, как правило, стоят кулуарные договоренности между различными конкурирующими группировками вплоть до взаимной проверки заполнения бюллетеней для тайного голосования. Подобная порочная практика обычно приводит к ущемлению прав политического меньшинства и провоцирует дальнейшее обострение внутрипартийных конфликтов.

Так как в политических партиях не допускается коммюлятивное голосование, то для создания похожего эффекта возможно введение ограничений на право выдвижение кандидатов в состав политического совета

партии. На этапе учреждения партии такое право может быть предоставлено организационному комитету по подготовке учреждения партии, а в дальнейшем политическому совету партии, но только в случае предварительного признания съездом его работы как удовлетворительной, а также для обеспечения возможности представления альтернативных политических команд – группам членов партии численностью не менее 20-25% от общего числа членов партии.

К основным функциям политического совета партии следует отнести разработку политической стратегии и тактики деятельности партии, планирование и координацию ее публичной деятельности, разработку оперативных политических инициатив и оперативное реагирование на текущие события, включая вопросы создания политических коалиций и избирательных блоков, формирование и согласование предварительных партийных списков кандидатов в депутаты Государственной Думы, выработку процедур определения кандидата от партии на должность Президента России.

Целесообразно, чтобы порядок деятельности политического совета партии определялся его собственным регламентом, позволяющим гибко и оперативно решать процедурные вопросы, аналогичные указанным при рассмотрении модели «парламентская федерация».

Представляется предпочтительным, чтобы деятельность политического совета партии координирован один председатель, избираем самим советом из своего состава. При этом возможно и создание координационного комитета в составе председателя политического совета партии и входящих в его состав лидеров групп держателей основных пакетов «партийных акций». В отношении руководства политического совета партии и возможных целевых замен его председателя на периоды проведения избирательных кампаний, а также обязанности отставки в случаях неудовлетворительных для партии результатов выборов целесообразно использовать подходы, аналогичные

предложенным в отношении политических руководителей партии в модели «парламентская федерация».

В качестве постоянно действующего руководящего органа партии, предназначенного для осуществления всей текущей управленческой, кроме политической работы, предлагается создание коллегиального правления партии с четким функциональным распределением обязанностей его членов, подобного правлению хозяйственного открытого акционерного общества.

Правление партии должно быть полностью подотчетно съезду и политическому совету партии в рамках вырабатываемой советом программы политической деятельности. При этом взаимоотношения между политическим советом и правлением должны строиться исходя из четкого разделения политических и управленческих функций. Правление партии может либо непосредственно формироваться политическим советом партии, либо избираться на съезде, но только из предложенных политическим советом кандидатур на те или иные функциональные должности в его составе, включая председателя правления партии. При этом политический совет партии может предлагать съезду и альтернативные кандидатуры на все или отдельные функциональные должности в составе правления партии.

При любом варианте формирования правления партии ее политический совет должен обладать правом приостановки и отмены любых решений правления. А в варианте избрания правления на съезде партии – правом досрочного прекращения полномочий отдельных членов правления с назначением до ближайшего съезда временных исполняющих обязанности и правления партии в целом с назначением внеочередного съезда для досрочного переизбрания правления партии.

Аналогичным образом целесообразно формировать и организовывать деятельность политических и постоянно действующих управленческих руководящих органов регионального отделения партии – политического совета и правления регионального отделения. При этом следует исходить из того, что региональное отделение партии является ее дочерним

политическим «открытым акционерным обществом», в котором основной пакет «политических акций» принадлежит партии в лице ее политического совета. Поэтому политический совет партии должен быть наделен правом приостановки и отмены любых решений политического совета регионального отделения и правом либо самостоятельного выдвижения кандидатов в его состав, либо обязательного согласования таких кандидатов, выдвинутых региональным политическим советом. Правлению партии также должно быть предоставлено право приостановки и отмены любых решений правления регионального отделения. Кроме того, политический совет партии должен обладать правом реорганизации ее регионального отделения путем досрочного прекращения полномочий политического совета и/или правления регионального отделения партии с назначением досрочного переизбрания этих органов на основе предлагаемых им и согласованных с другими держателями пакетов «партийных акций» регионального отделения кандидатур, а также правом ликвидации регионального отделения партии.

Структуризация региональных отделений партии по территориальному признаку на местные и первичные отделения в рамках модели «открытое акционерное общество» может осуществляться исходя из тех же соображений, что и в рамках модели «парламентская федерация».

Основополагающая задача общедемократической партии

Суть пирамидальной конструкции, которая представляется единственно возможной для обеспечения политической эффективности и долговременной социальной устойчивости общедемократической оппозиции правящему режиму, состоит в том, что ее партийная часть должна прочно опираться на широкую общественную платформу. При этом только четко организованная и политически грамотно работающая партийная часть способна и должна обеспечивать формирование, интенсивное расширение и консолидацию поддерживающей ее общественной платформы.

Особо остро и предельно значимо проблема политического конструирования и консолидации общественной платформы встает на

начальном этапе формирования общедемократической оппозиции. На этом этапе процесс партийного строительства объективно вынужден опережать процесс формирования его общественной поддержки с учетом временных параметров процесса юридической регистрации партии по федеральному закону «О политических партиях» и избирательных циклов, а также следующих российских социальных и политических реалий.

Только еще начавшийся процесс формирования в России гражданского общества сегодня не без помощи правящего номенклатурно-олигархического режима находится в подавленном состоянии, а российское общество в целом политически мало активно и предельно скептически относится к использованию для защиты своих интересов любых политических инструментов и институтов и, в первую очередь, политических партий. При этом даже наиболее социально и экономически активная его часть, потенциальные представители опорного для современной демократии среднего класса предпочитают приспосабливаться к сложившейся ситуации в индивидуальном порядке, используя, прежде всего, для собственного выживания неполитические и, в основном, номенклатурные методы, а также механизмы коррупционного лоббирования. Быстро вывести российское общество из такого состояния, обусловленного, несмотря на активное манипулирование общественным сознанием и постоянную официальную пропаганду политической и социально-экономической стабильности, нарастающим отрывом правящего номенклатурно-олигархического режима от реальных потребностей общественного развития, способны лишь серьезные экономические или социальные потрясения. Поэтому сегодня подавляющая часть российского общества может в лучшем случае либо принять, либо отвергнуть предлагаемый ей политический продукт и будет скорее пассивно наблюдать, чем активно участвовать в создании любой политической партии.

Формально-юридическое создание партийной структуры при любой выбранной модели ее построения не представляет собой особо сложную

(естественно при наличии определенного финансового ресурса) проблему и является достаточно стандартной организационной задачей. Но только постоянно и целенаправленно решая задачу интенсивного расширения поддерживающей ее общественной платформы с одновременным обеспечением политической устойчивости такой платформы, новая политическая партия сможет активно развиваться и не только сама стать реальным и действительно значимым актором российской политики, но и сделать таковой общедемократическую оппозицию правящему режиму в целом, выступая в качестве ее притягательного консолидирующего центра.

Практическое формирование и интенсивное расширение политически консолидированной общественной платформы общедемократической оппозиции правящему номенклатурно-олигархическому режиму, состоящей из социально активных формальных и неформальных общественных объединений и групп, должно стать основополагающей и долговременной политической задачей новой общедемократической партии.

Для решения этой задачи необходимо разработать качественно новые политические информационно-коммуникационные технологии, способные разорвать порочный круг в отношении российского общества к политическим партиям и другим институтам современной демократии и обеспечить действенное, прежде всего, за счет общедоступной формы оппонирование правящему номенклатурно-олигархическому режиму в условиях достаточно сложной для оппозиционной политической деятельности обстановки в стране.

апрель 2004